

Библиотека
журнала
ЛОГОС

Семантический
ОБЪЕКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ



Грэм Харман

Graham Harman

IMMATERIALISM
Objects and Social Theory

Polity

Грэм Харман

ИММАТЕРИАЛИЗМ
Объекты и социальная теория

Перевод с английского
Александра Писарева

*Издательство
Института Гайдара*

МОСКВА

2018

УДК 14
ББК 87.21
Х20

Составитель серии В. В. Анашвили

ХАРМАН, Г.

Х20 Имматериализм. Объекты и социальная теория /
Г. Харман; пер. с англ. А. Писарева. М.:
Издательство Института Гайдара, 2018. — 152 с. —
(Серия «Библиотека журнала „Логос“»).

ISBN 978-5-93255-518-7

Из каких объектов состоит социальный мир и как их следует познавать? В этой книге Грэм Харман, создатель объектно-ориентированной философии, предлагает дальнейшее развитие своего подхода, чтобы прояснить природу и статус объектов социальной жизни. Его концептуальными противниками выступают акторно-сетевая теория Бруно Латура и новый материализм, в противовес которым он разрабатывает имматериалистическую социальную теорию. Центральной новацией имматериализма становится идея симбиоза, заимствованная у биолога Линн Маргулис. Аргументированное обсуждение стратегий познания объекта Харман дополняет обстоятельным анализом истории Голландской Ост-Индской компании как жизни объекта, проходящей через серию симбиозов. Книга адресована всем, кто интересуется актуальными дискуссиями в философии, социальной и культурной теории.

Перевод выполнен по: Graham Harman, *Immaterialism: Objects and Social Theory*. Cambridge: Polity, 2016

Copyright © Graham Harman, 2016

Настоящее издание выпущено по соглашению с Polity Press Ltd., Cambridge

© Издательство Института Гайдара, 2018

ISBN 978-5-93255-518-7

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Имматериализм

1. Объекты и акторы 9
2. Опасности двойного срыва 17
3. Материализм и имматериализм 23
4. Попытки развить АСТ 31
5. Вещь-в-себе 39

Часть II. Голландская Ост-Индская компания

6. Представление VOC 49
 7. О симбиозе 57
 8. Генерал-губернатор Кун 67
 9. Батавия, Острова пряностей и Малакка 85
 10. Внутриазиатская VOC 105
 11. И снова об АСТ 113
 12. Рождение, зрелость, упадок и гибель 125
 13. Пятнадцать предварительных правил метода объектно-ориентированной онтологии 133
- Библиография 145



1. ОБЪЕКТЫ И АКТОРЫ

ЭТО книга об объектах и их значении для социальной теории. Поскольку данная издательская серия предполагает небольшие книги, я был вынужден опустить значительную часть материала, которую некоторые читатели сочтут наиболее важной. Я не касаюсь идей таких важных теоретиков, как Мишель Фуко и Никлас Луман, а разделы о Рое Баскаре и Мануэле Деланда (наиболее интересных для меня мыслителях) в ходе финального редактирования пришлось полностью удалить. В итоге первая часть книги посвящена акторно-сетевой теории (АСТ), которую я считаю самым важным философским методом со времен рождения феноменологии на рубеже XIX и XX веков, и новому материализму — школе современного мышления, к которой часто ошибочно относят и мою собственную философию — объектно-ориентированную онтологию (ООО).

Послужной список АСТ в работе с объектами решительно разнороден. В некотором смысле она уже включает объекты в социальную теорию настолько полно, насколько это возможно. АСТ предлагает плоскую онтологию, в которой реально все, что угодно, если оно *действует*.

Это предельно широкий критерий, придающий одинаковый исходный вес сверхзвуковым самолетам, пальмам, асфальту, Бэтмену, квадратным кругам, зубной фее, Наполеону III, аль-Фараби, Хиллари Клинтон, городу Одесса, Ривенделлу, придуманному Толкином, атому меди, отрубленной конечности, смешанному стаду зебр и антилоп гну, несуществующим Летним Олимпийским играм 2016 года в Чикаго и созвездию Скорпиона, коль скоро все они одинаково являются объектами или, скорее, *актерами*. ООО едва ли смогла бы быть более инклюзивной, чем АСТ, и в некоторых отношениях она даже уступает ей. Однако в другом смысле АСТ совершенно упускает объекты, не признавая за вещами никакой скрытой глубины и сводя их исключительно к их действиям. В конце концов, вы, или я, или машина — не просто то, что мы делаем прямо сейчас, поскольку мы легко могли бы действовать по-другому или попросту пребывать в бездействии, не становясь при этом абсолютно другими сущностями. Вместо замены объектов описаниями того, что они делают (вариант АСТ), или того, из чего они сделаны (вариант традиционного материализма), ООО использует термин «объект» для обозначения любой сущности, которую нельзя парафразировать в терминах ее компонентов или действий.

Поиск объектно-ориентированной социальной теории обусловлен интересами объектно-ориентированной философии (Harman 2010a,

93–104). Первый постулат этой философии состоит в том, что все объекты в равной степени являются объектами, но не все одинаково реальны: надо различать автономию *реальных* объектов и зависимость *чувственных* объектов от любой встречающей их сущности (Нагман 2011; Харман 2015). Этим ООО отличается от близких ей теорий, наделяющих одинаковой реальностью, но не одинаковой *силой* все, что действует или что-то значит в мире. Хорошие примеры таких теорий — философские позиции Бруно Латура (Latour 1988; Латур 2015) и позднее Леви Брайанта (Bryant 2011). Не составит труда назвать и социальных теоретиков, применяющих онтологическую сеть так же широко, как Латур: сразу вспоминается конкурент Дюркгейма Габриель Тард (Tarde 2012; Тард 2016). Но если ООО относится к объектам одинаково, независимо от их размеров, и рассматривает каждый в качестве избытка, превышающего свои отношения, качества и действия, то Тард наделяет привилегией мельчайший «монадический» уровень сущностей, а Латур сопротивляется тому, чтобы наделять объекты большей реальностью, чем их эффекты (Нагман 2012а; Нагман 2009).

В конечном счете хорошая теория должна проводить различия между разными видами того, что существует. Однако она должна зарабатывать эти различия, а не провозить их заранее контрабандой, как это часто бывает в *априорном*

нововременном расколе между человеческими существами и всем остальным (Latour 1993; Латур 2006а). Это и есть ответ на вопрос, почему желателен объектно-ориентированный подход: хорошая философская теория начинается с того, что не исключает ничего. Что же до социальных теорий, претендующих на то, чтобы полностью обойтись без философии, то они с завидным постоянством подсовывают посредственные философии, прикрытые алиби нейтральной эмпирической полевой работы.

Когда речь заходит о новизне объектно-ориентированного подхода, на первый взгляд может показаться, что обсуждение объектов в социальной теории — это хорошо известная магистральная тема. В исследованиях науки как дисциплине — а не только в АСТ, — кажется, сделали все возможное, чтобы встроить нечеловеческие элементы в свою картину общества. Карин Кнорр-Цетина (Knorr Cetina 1997; Кнорр-Цетина 2002) может многое сказать об объектах, хотя ее прежде всего интересуют «объекты знания», и в целом ее объекты сопровождаются и опекаются людьми, не существуют вне связи с человеком. Обратите внимание на фрагмент из аннотации к весьма полезной антологии «Объекты и материалы» издательства *Routledge*:

В гуманитарных и социальных науках признается, что размышления о социальном не могут обойтись

без внимания к практике, объектно-опосредованным отношениям, нечеловеческой агентности и аффективным измерениям человеческой социальности (Harvey et al. 2013).

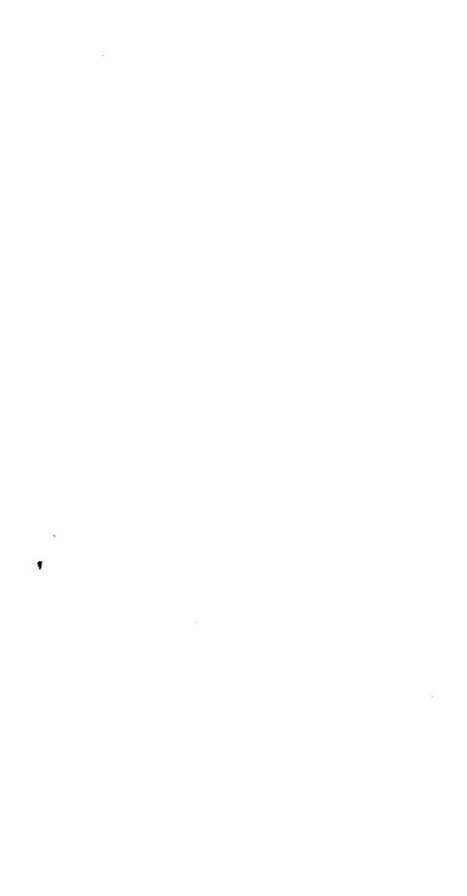
Этот пассаж — вполне в русле нынешних тенденций, так как приписывает объектам две и только две функции: (а) объекты «опосредуют отношения», причем имеются в виду отношения между людьми; (б) у объектов есть «агентность» в том смысле, что они важны, когда вовлечены в какую-то деятельность. Таковы две внешне про-объектные интуиции, завещанные АСТ и связанными с ней школами. Их высокая цель состояла в том, чтобы освободить нас от старой традиции, рассматривавшей общество как автономную реальность, в которой вся деятельность осуществлялась людьми, а объекты были пассивными вместилищами для человеческих ментальных или социальных категорий.

Однако современные теории продвинулись недостаточно далеко в разработке этих двух ключевых пунктов, как бы замечательны они ни были по сравнению с тем, что им предшествовало. Утверждать, что объекты опосредуют отношения, значит выдвигать важный тезис, что, в отличие от стай животных, человеческое общество в значительной мере приобретает устойчивость благодаря таким нечеловеческим объектам, как кирпичные стены, колючая проволока, обручальные кольца, чины, титулы,

монеты, одежда, татуировки, медальоны и дипломы (Latour 1996; Латур 2006б). При этом упускают из виду, что подавляющее большинство отношений во вселенной не предполагает существования человеческих существ, невразумительных обитателей небольшой планеты, вращающейся вокруг рядового солнца, одной из ста миллиардов звезд на краю ничем не примечательной галактики среди ста миллиардов других галактик. Забывая, что объекты взаимодействуют друг с другом, даже когда человека нет, мы самонадеянно претендуем на колонизацию человеком половины космоса, и уже неважно, как громко мы хвастаемся преодолением субъект-объектного разделения. По-настоящему про-объектная теория должна учитывать отношения между объектами, в которые непосредственно не включены люди. Это, в свою очередь, подводит ко все еще спорному тезису об агентности объектов. Когда мы превозносим объекты за их агентность или решительно отказываем им в таковой, мы упускаем вопрос о том, что такое объект, когда он *не* действует. Относиться к объектам исключительно как к актерам — значит забывать, что вещи действуют, потому что существуют, а не существуют, потому что действуют. Объекты — это спящие гиганты, берегущие свои силы и не проявляющие их все сразу.

Поскольку нельзя рассчитывать на глубокое знакомство всех читателей этой книги с ООО, мне необходимо будет повторить некоторые те-

зисы, уже знакомые читателям моих предыдущих книг. Затем я добавлю новые ходы, которые удивят даже самых умудренных опытом ветеранов ООО.



2. ОПАСНОСТИ ДВОЙНОГО СРЫВА

ЕСТЬ только два основных вида знания о вещах: можно объяснять, из чего вещи сделаны, или объяснять, что они делают. Неизбежная цена такого знания — подмена самой вещи ее вольной парафразой. Независимо от того, говорим ли мы о стихотворении, корпорации, протоне или почтовом ящике, что-то меняется, когда мы пытаемся заменить объект отчетом о его компонентах или воздействиях. Литературным критикам это давно известно (Brooks 1947). В технических терминах попытка парафразировать объекты всегда сводится к их подрыву (*undermining*), надрыву (*overmining*) или двойному срыву (*duomining*) (Harman 2013).

Объект подрывают, если объясняют его в терминах составляющих его частей — через нисходящую редукцию. Западная наука родилась благодаря подрыву, когда досократовские мыслители Древней Греции попытались найти первоначало, которое объяснило бы образование вещей. Состоят ли все существующие вещи из воды, воздуха, огня, атомов, числа, бесформенной массы или чего-то еще? Подрыв так и остался преобладающим методом в физи-

ке, но вовсе не в социальной теории, которая не работает в парадигме элементарных частиц. Неожиданный контрпример — Тард, основывающий свою социологию на мельчайших монадических субстанциях, которые формируют более крупные сущности, только группируясь под началом одной господствующей монады, а не соединяясь в более крупный составной объект *per se* (Harman 2012a). Кроме того, именно о подрыве идет речь, когда авторы подчеркивают зависимость людей от фоновых условий, как, например, в важной антологии нового материализма под редакцией Дианы Кул и Саманты Фрост:

Наш опыт от момента к моменту зависит от мириад микроорганизмов и разнообразных высших видов, от наших собственных смутно понимаемых телесных и клеточных реакций и от безжалостных космических событий, от материальных артефактов и всего природного, наполняющего нашу среду (Coole and Frost 2010, 1).

Проблема стратегии подрыва в том, что она не может объяснить относительную независимость объектов от составляющих их частей или историй, то есть объяснить явление, более известное как *эмерджентность*. Объект не эквивалентен точному положению своих атомов, поскольку в каких-то пределах эти атомы можно заменить, удалить или сместить, не изменяя объект как целое. Не идентичен объект и воздей-

ствиям, оказываемым на него средой, поскольку некоторые из них остаются безрезультатными, тогда как другие оказывают решающее влияние. Рим, Афины и Стамбул остаются теми же городами, какими были в древности, несмотря на полную смену населения и радикальное изменение культуры и инфраструктуры. Объект больше, чем его компоненты, и потому его нельзя успешно парафразировать, прибегнув к нисходящей редукции.

Но более опасна для гуманитарных и социальных наук противоположная стратегия, *надрыв*. В этой стратегии объект является уже не чем-то поверхностным по отношению к его элементарным, мельчайшим частям, а бесполезно глубокой или туманной гипотезой по сравнению с его доступными восприятию качествами или эффектами, воздействиями. В эмпиризме XVIII века утверждалось, что объект — это не более чем пучок качеств; современные мыслители, напротив, утверждают, что объект — это не более чем его отношения или регистрируемые действия. Самым впечатляющим мыслителем надрыва сейчас является, конечно, Латур. Он выдвигает смелый тезис о том, что «невозможно определить актора иначе, чем через его действия, и нет иного способа определить действие, кроме как спросить, каких других акторов оно изменило, трансформировало, потревожило или создало» (Latour 1999b, 122). Проблема надрыва в том, что он запрещает объектам иметь

излишек реальности вдобавок к тому, что они что-то изменяют, трансформируют, тревожат или создают. В этом отношении АСТ невольно повторяет аргумент древних мегарцев о том, что можно быть строителем дома, только если строишь дом прямо сейчас, — аргумент, отвергнутый Аристотелем в «Метафизике» (Aristotle 1999, Book Theta, Chapter 6; Аристотель 1975, Книга 9, Глава 3). Дело в том, что если бы объекты были не более чем своим текущим проявлением в мире, то впоследствии они не смогли бы ничего делать иначе. Никакая «петля обратной связи» не сможет снять необходимость того, чтобы вещи превышали свои отношения, поскольку объект не может принять обратную связь или ответить на нее, если не обладает *восприимчивостью*, а это требует, чтобы он был чем-то большим, чем то, что он делает сейчас. Если раньше мы увидели, что объект больше своих компонентов, то теперь видим, что он меньше его текущих действий. Автор по имени Харман, одетый в черный свитер и печатающий сейчас эти слова в библиотеке Университета Флориды, слишком *конкретен*, чтобы быть Харманом, который покинет Флориду в следующее воскресенье, а свитер он может снять, когда захочет.

Стратегии подрыва и надрыва редко встречаются по отдельности. Обычно они сочетаются, взаимно усиливая друг друга в двусторонней редукции, которую я называю *двойным срывом*

(Harman 2013). Первый представитель двойного срыва на Западе — Парменид, постулировавший двойной космос: единое однородное бытие с одной стороны и ненадежная игра мнений и видимостей — с другой. Все оказывалось или чистой однородной глубиной, или чистой разнородной поверхностью без какого-либо промежуточного пространства для настоящих самостоятельных вещей. Другой пример можно найти в некоторых формах научного материализма, которые безжалостно подрывают вещи, трактуя элементарные частицы, поля, струны или неопределенную «материю» как предельный уровень космоса, а затем беспощадно надрывают вещи, заявляя, что первичные качества этого подлинного уровня исчерпываются математическими (Meillassoux 2008; Мейясу 2015).

Надрыв, подрыв и двойной срыв — три основные стратегии познания объектов, поэтому их невозможно обойти в той мере, в какой выживание человека зависит от такого познания. Однако некоторые дисциплины не являются формами знания, хотя и имеют большое когнитивное значение. Мы будем неверно понимать произведения искусства и архитектуры, если станем редуцировать их по нисходящей к их физическим компонентам или по восходящей к их социально-политическим эффектам (хотя такие попытки в этих дисциплинах случаются). Есть в этих произведениях что-то, что сопротивляется редукации в любом направлении,

отталкивая буквальную парафразу, из которой всегда состоит знание (Harman 2012b). То же самое касается и философии, которая началась не с досократиков, а с неироничного утверждения Сократа, что он ничего не знает и никогда не был ничьим учителем, а также с его постоянного отказа принимать любое конкретное определение чего-либо. Поскольку каждая теория склонна к философской рефлексии над собственными условиями, в свой подход к вещам она должна встраивать предельную непознаваемость и автономность этих вещей. Другими словами, философские основания любой теории не могут быть формой знания, а должны быть более тонким, непрямым способом обращения к миру.

3. МАТЕРИАЛИЗМ И ИММАТЕРИАЛИЗМ

ИНТЕРЕС к объектам часто путают с интересом к «материализму» — одному из особенно излюбленных в нынешней интеллектуальной жизни словечек. Престиж этого термина во многом связан с его давней ассоциацией с Просвещением и левым политическим лагерем, и все же поразительно, насколько нынешний материализм отличается от старого материализма со спонтанно отклоняющимися в пустоте атомами. Это различие не всегда к лучшему. Как в отчаянии замечает Брайант,

материализм стал *terme d'art*, который имеет слабое отношение к чему-либо материальному. Материализм стал просто указывать, что что-то является историческим, социально сконструированным, предполагает культурные практики и контингентно... Интересно, где же в этом материализме сам материализм (Bryant 2014, 2).

Точно определить новый материализм трудно, но можно легко выписать группу тезисов, защищаемых его сторонниками, в том числе теми, кто открыто не называет себя новыми материалистами.

Аксиомы нового материализма

- Все постоянно меняется.
- Все разворачивается в непрерывном градиентном пространстве, а не в пространстве четких границ и порогов.
- Все контингентно.
- Мы должны сосредоточиться на действиях/ глаголах, а не на субстанциях/ существительных.
- Вещи рождаются в наших «практиках», поэтому у них нет никакой предшествующей сущности.
- То, что вещь *делает*, гораздо интереснее того, что она такое.
- Мышление и мир никогда не существуют раздельно, поэтому между ними разворачивается «внутри-действие», а не взаимодействие.
- Вещи множественны, а не единичны (см. Мол 2002; Мол 2017).
- Мир исключительно имманентен, и это хорошо, так как любая трансценденция репрессивна.

Хотя каждый из этих тезисов обычно подается под соусом изысканной новизны, просто поразительно, насколько мейнстримными они стали в гуманитарных науках. В этих аксиомах явственна глубокая приверженность методу надрыва, слабость которого — мы это видели — заключается в его неспособности отличить сами объекты от того, как они в данный момент

действуют или как-то иначе проявляют себя в мире. Чтобы поступить с реальностью объектов по справедливости, нам нужен термин для противостояния таким надрывающим материализмам. Хотя обычно материализму противопоставляют то, что обозначается термином «формализм», это слово слишком уж тесно связано с абстрактными логико-математическими процедурами, чуждыми объектно-ориентированному методу. Поэтому я предлагаю *имматериализм* в противовес описанным выше подходам. Пусть этот термин обозначает следующие принципы.

Аксиомы имматериализма

- Изменения случаются, нормой же является стабильность.
- Все разделено в соответствии с определенными границами и порогами, а не непрерывными градиентами.
- Не все контингентно.
- Субстанции/существительные имеют приоритет перед действиями/глаголами.
- У всего есть автономная сущность, какой бы преходящей она ни была, и в практиках мы схватываем ее не лучше, чем при помощи теорий.
- То, чем вещь *является*, гораздо интереснее того, что она делает.
- Мысль и ее объект отделены друг от друга не больше и не меньше, чем любые два объ-

екта, и потому взаимодействуют, а не «внутри-действуют».

- Вещи единичны, а не множественны.
- Мир не только имманентен, и это хорошо, поскольку чистая имманентность репрессивна.

Отбрасывает ли нас новый список в противоположную сторону — в ловушку подрыва? Нет, потому что имматериализм признает вещи на любом уровне существования, не растворяя их в некотором предельном конститутивном слое. Конкретный ресторан *PizzaHut* не более и не менее реален, чем сотрудники, столы, салфетки, молекулы и атомы, которые его составляют, и точно так же не более и не менее реален, чем его влияние на экономику, местное сообщество, центральный офис сети в городе Уичито, корпорацию *PizzaHut* в целом, Соединенные Штаты или планету Земля. Все эти сущности иногда воздействуют на других и сами испытывают их воздействие, но никогда не разворачиваются исчерпывающе в своем обоюдном влиянии, поскольку способны делать что-то еще или даже не делать ничего (Zubíri 1980). Иными словами, хотя реляционная метафизика может работать только с отношениями, а не с объектами, нереляционная метафизика справится и с теми, и с другими, поскольку способна рассматривать отношения как новые составные объекты. Возвращает ли нас новый список к какому-то реакционному, эссенциалистскому и наивному ре-

ализму? Нет, потому что наш эссенциализм не реакционен, а наш реализм не наивен. Если в старом эссенциализме считалось, что можно *познать* сущность вещей, а затем использовать это знание в репрессивных политических целях («восточные народы по сути своей не способны управлять собой»), то имматериалистический эссенциализм предупреждает, что сущность непознаваема напрямую и потому часто порождает неожиданности. И если в наивном реализме постулируется, что реальность существует вне разума и ее можно познать, то объектно-ориентированный реализм предполагает, что да, реальность существует вне разума, но мы *не можем* ее познать. Поэтому мы получаем к ней доступ только косвенными, иносказательными или замещающими средствами. Также не существует реальность только «вне разума», как если бы люди были единственными сущностями, для которых есть внешнее. Напротив, реальность существует как избыток даже за пределами причинных взаимодействий пыли и капель дождя и никогда не выражается в мире неживых отношений полнее, чем в человеческой сфере.

Ранее я отмечал, что Латур редуцирует объекты по восходящей — к тому, «что они что-то изменяют, трансформируют, тревожат или создают», тем самым полностью конвертируя их в действия и ничего не оставляя в резерве. Однако в некотором смысле Латур осознает эту проблему и даже работает с ней несколько-

ми способами. Быть может, самый действенный из этих способов можно найти в его политической теории: в ней он пытается обойти нововременные крайности политики силы и политики истины; в конечном счете он одинаково подозрительно относится и к Гоббсу, и к Руссо (Harman 2014a). Интерес Латура к «объектно-ориентированной» политике Уолтера Липпмана и Джона Дьюи связан с влиянием имеющей большое значение докторской диссертации Нуртджи Маррес (Marres 2005) и обусловлен его тезисом о том, что никакого политического знания нет. Причина в том, что знание всегда стремится устранить космополитическую борьбу (Stengers 2010), посредством которой человеческое и нечеловеческое взаимно определяют друг друга. Оно делает это путем привлечения некоторой предполагаемой политической истины (эгалитаристской или элитистской) или же противоположного ей тезиса, согласно которому политика связана с силой, а не истиной (Latour 2013, 327). Другой пункт, где Латур сопротивляется редукции сущностей к знанию, можно найти в его блестящей критике материализма, к которой, тем не менее, редко обращаются (Latour 2007; Латур 2014). Он напоминает нам, что в золотую эру материалистической догмы «обращение к здоровому воинственному материализму казалась идеальным способом разрушить претензии тех, кто пытался скрыть свои отвратительные интересы

за представлениями морали, культуры, религии, политики или искусства». Однако это влекло за собой «довольно-таки идеалистическое определение материи и ее функций» (Latour 2007, 138; Латур 2014, 266), поскольку в материализме предполагалось, что заранее известно, что такое материя: математизируемые первичные качества с физической основой, противопоставленные «непредсказуемости и непрозрачности» (Latour 2007, 141; Латур 2007, 272, — перевод изменен. — *Прим. пер.*), которые неизменно присущи миру. Латур мог бы вывести из этого еще один урок, который поставил бы под сомнение базовый принцип АСТ, а именно: коль скоро об объектах говорится в терминах непредсказуемости и непрозрачности, их нельзя редуцировать ни к их действиям и отношениям, ни к их элементарным компонентам. Сети акторов — это попросту обратная форма сетей атомов.

Не остается ничего другого, кроме как принять направленную против двойного срыва теорию, единственным строгим примером которой является объектно-ориентированная философия. В эпоху, когда вся интеллектуальная энергия отдана контексту, непрерывности, отношению, материальности и практике, мы должны отвергнуть приоритет каждого из этих терминов и сосредоточиться вместо них на *имматериалистической* версии непредсказуемости и непрозрачности. Учитывая параллельные неудачи

стратегии подрывающей редукции, эти непрозрачные непредсказуемости должны быть обусловлены полностью сформированными индивидами на любом уровне, а не тепличным слоем элементарных частиц или тем, что Джейн Беннет ярко, но ошибочно описывает как «неопределенную энергию пульсирующего целого» (Bennett 2012, 226).

4. ПОПЫТКИ РАЗВИТЬ АСТ

ХОТЯ АСТ — это плод работы многих исследователей, сооснователями этого метода часто называют Мишеля Каллона, Бруно Латур и Джона Ло. Это не помешало им публично выражать опасения по поводу АСТ. Латур даже пошел так далеко, что заявил: «есть четыре элемента, не работающих в акторно-сетевой теории: слово “актор”, слово “сеть”, слово “теория” и дефис!» (Latour 1999a, 15; Латур 2017, 202) Ироничны они или нет, но эти слова предвещают еще более радикальный отход от АСТ, который Латур совершил в книге «Исследование модусов существования» (Latour 2013). В ней Латур размышляет о воображаемом этнографе, которая только-только усвоила метод АСТ и сообщает, что, «к ее великому смущению, проводя исследования в областях права, науки, экономики и религии, она начала чувствовать, что во всех случаях говорит почти одно и то же, а именно что они “гетерогенным образом собраны из неожиданных элементов, обнаруженных в исследовании”». Хотя этнограф «движется от одной неожиданности к другой... к ее удивлению, это перестает быть неожиданным... поскольку все элементы неожиданны одинаково»

(Latour 2013, 35). Предлагаемый им способ избавления от этой монотонности не в том, чтобы оставить акторов и сети: он утверждает, что бывает 14 видов сетей, они лишь иногда пересекаются и то, как правило, в результате ошибки. Сети (теперь называемые модусом [NET]) вовсе не исчезают и играют значительную роль в новой теории Латура, при этом модус, называемый им «препозицией» [PRE], открывает путь для других 12 модусов. Поздний Латур поддерживает сложившуюся реляционную модель актора, все еще исчерпывающе и без остатка определяемого своими действиями. Любой избыток в вещах связан не со скрытым сущностным ядром, а с их одновременным участием во всех модусах, кроме того, который мы рассматриваем в любой данный момент — хотя, в отличие от «атрибутов» Спинозы, модусов только 14, а не бесконечное количество. Несмотря на важность продолжающегося латуровского проекта модусов, он не может дать нам инструменты для имматериалистического подхода к миру, требующего внимания к нереляционной глубине вещей вне каких-либо сетей.

Другая попытка радикализировать АСТ изнутри была предпринята Джоном Ло и его известной нидерландской сподвижницей Аннмари Мол. Этому совместному усилию свойственны и сильные, и слабые стороны нового материализма. После весьма благосклонного обсуждения «Лабораторной жизни» Латура и Стива

Вулгара (Law 2004, 18-42; Ло 2015, 45-93) Ло делает смелое заявление, что они с Мол пошли дальше АСТ:

Ее позиция схожа с позицией Латура и Вулгара, не считая одного неприметного, но разрушительного отличия. В чем оно заключается? В том, что медицинское обследование и вмешательство *могут* вести к единственной реальности, *но не обязательно так и происходит* (Law 2004, 55; Ло 2015, 120).

Эта медицинская отсылка — указание на влиятельную работу Мол «Множественное тело» (Mol 2002; Мол 2017), эмпирический кейс, в котором она стремится показать, что атеросклероз — это не единое расстройство, а множественность. Дело в том, что оно по-разному учреждается в таких практиках, как ангиография, хирургическое вмешательство, микроскопия, и по-разному определяется при разных сочетаниях симптомов. Тезис Мол не в том, что единое заболевание в разных контекстах проявляется по-разному. В своей работе она делает более радикальное утверждение: когда используются разные методы обнаружения, *производятся* разные расстройства. Она не принимает представление о едином реальном мире, открытом множеству точек зрения — как и Ло, считающий такую позицию формой наивного реализма, или, как он ее называет, «европей-

ско-американской метафизикой» (Law 2004; Ло 2015, в разных местах). Термин неудачен, поскольку сочетает в себе радикальное обобщение истории западной философии с популистским намеком на то, что незападные народы обладают высшей мудростью. И точно так же не стоит приветствовать заявление Ло о том, что неоднозначность реальности и множества ее истин позволяет нам подталкивать результаты научных исследований в том или ином направлении, основываясь лишь на предполагаемой политической пользе. Дело в том, что это подразумевает наличие прямого доступа к политической истине у достаточно прогрессивных исследователей, при том что одновременно Ло и Мол пытаются запретить любой прямой смысл *научной истины* (Law 2004, 40; Ло 2015, 87). Помимо других проблем, это означает откат к ранней версии АСТ, еще до разрыва Латура с Гоббсом (Latour 1993; Латур 2006а): к тем временам, когда АСТ подозрительно относилась к «истине», в то же время свободно используя неотрефлексированное понятие «власти» (Harman 2014a, 51–55). Заявление Ло о том, что они с Мол выдвинули «разрушительное» возражение против латуровской версии АСТ, нельзя подтвердить, поскольку их возражение попросту сводится к *экстраполяции* враждебности к устойчивым унифицированным сущностям, которая и так характерна для работы Латура. Если бы Латуру пришлось отстаивать единство атеросклероза против за-

щищаемых Мол множественных версий заболевания (что уже сложно себе представить), он отсылал бы к временному заключению заболевания в черный ящик после длительной коллективной работы медиков, а не к некоторому реалистскому единству, присущему самому заболеванию.

Тем не менее Ло ясно и смело пытается перевернуть всю западную философию, какой он ее видит. Прежде всего, считает он, мы должны избегать классических «европейско-американских» предрассудков, согласно которым реальность: (1) есть вне нас, (2) не зависит от наших действий и восприятия, (3) была до нас, (4) состоит из определенных форм или отношений, (5) неизменна, (6) пассивна, (7) универсальна (Law 2004, 24–25; Ло 2015, 55–58). Связующим звеном, объединяющим отказы Ло и Мол от этих принципов, является приписываемая людям значительная роль в производстве реальности, которая когда-то считалась лежащей исключительно вне нас. Нет никакого атеросклероза в себе, никакого самолета *an sich*, никакого ноуменального зимбабвийского втулочного насоса: вместо этого реальность осуществляется или производится. Она «производится в отношениях» и удерживается вместе «практиками» (Law 2004, 59; Ло 2015, 127). Ло и Мол не считают явный конфликт между одновременными единством и множественностью любой сущности опасным противоречием и не пытаются его

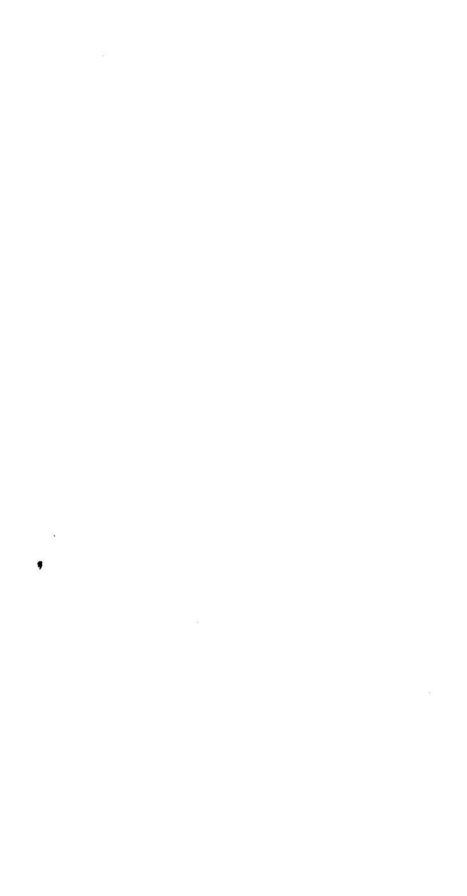
разрешить, но открыто приветствуют этот конфликт как рождение новой онтологии:

...алкогольное поражение печени может быть понято как *дробный объект*. Данные различия по-разному учреждены и реализуются разными практиками в разных местах, но с ними справляются таким образом, что *также* сохраняется возможность единственности алкогольного поражения печени в каждом отдельном месте (Law 2004, 75; Ло 2015, 158; курсив добавлен).

Слово «также» указывает здесь на метафизическую работу, стоящую за «справляются», которая полностью никогда не выполняется: это неразрешенный парадокс, а не обтекаемый *fait accompli*, предлагаемый Ло.

Центральная роль, приписываемая в этой онтологии человеческим практикам, сочетается с беззастенчивым реляционизмом — это две надрывающие позиции, согласно которым «реалии производятся и живут в отношениях» (Law 2004, 59; Ло 2015, 127). Но в другом месте эти авторы объединяются, чтобы противопоставить онтологии сетей новую теорию неопределенных текучестей (Mol and Law 1994), откровенный подрывающий ход, который не способен объяснить относительную независимость вещей от их личных историй. Словом, онтология множественного тела попросту повторяет тенденции стратегии двойного срыва, обнаружива-

емые в новом материализме в более общем виде. И хотя мы не можем принять крайнюю форму антиреализма Мол и Ло — какой бы «материалистической» она ни пыталась быть, — в их работе есть важный принцип, который стоит сохранить. Многие реалисты ошибочно предполагают, что реальность реальна лишь тогда, когда свободна от человеческого вмешательства, так что в результате искусство, политика и общество оказываются менее реальными, чем смесь химических веществ или сдвиги тектонических плит. При таком подходе легко упускается из виду, что люди и их дела — самостоятельные реальные объекты и что атеросклероз, диагностируемый в нидерландской больнице, не менее реален, чем синтез тяжелых химических элементов в сверхновой звезде, — но и, надо отметить, *не более* реален.



5. ВЕЩЬ В СЕБЕ

ВАЖНОЙ чертой объектно-ориентированной философии является то, что она настаивает на непопулярной *вещи в себе* как важной составной части интеллектуальной жизни. «Критика чистого разума», первое издание которой появилось в 1781 году, была последним сильным землетрясением в ландшафте западной философии (Kant 2003; Кант 1992). Все, что последовало затем, в некотором смысле было реакцией на новый кантианский ландшафт. Если бы кантовские нововведения нужно было резюмировать одним понятием, его вещь в себе наверняка была бы лучшим кандидатом. Если предшествующая философия была *догматической*, так как верила, что можно получить истину о вещах напрямую при помощи рассуждения, то Кант настаивает, что человеческое познание конечно и не может получить доступ к вещам как они есть на самом деле. Эти «ноумены» можно помыслить, но не познать. У человека есть прямой доступ только к «феноменам», поэтому философия становится размышлением не о мире, а о конечных условиях, при которых человек может познать мир: пространство, время и двенадцать категорий рассудка.

Мы уже знаем проблему двойного срыва. Если редуцировать объект по нисходящей к его частям, то не получится объяснить эмерджентность; если же редуцировать объект по восходящей к его эффектам, то невозможно будет объяснить изменение. Поэтому нам нужна вещь в себе как реальность, которую нельзя конвертировать ни в одну из двух базовых форм знания: из чего сделана вещь и что вещь делает. В конце концов, ни один тезис о сводимости вещи к знанию не способен объяснить очевидное и постоянное различие между вещью и знанием о ней: будь у нас совершенное математизированное знание о собаке, это знание все же не было бы собакой. Можно сказать в ответ, что здесь имеет место подмена тезиса, поскольку философы, очевидно, отдают себе отчет, что знание отличается от своего предмета. Однако вопрос не в том, осознают ли философы это различие, а в том, достаточно ли их философские доктрины принимают его во внимание. Если надавить на тех, кто считает, что мы познаем собаку непосредственно, то они будут нетерпеливо объяснять, что они не пифагорейцы и что наше знание причастно *форме* собаки, в то время как сама собака — это та же самая форма, воплощенная «в материи» (Meillassoux 2012; Мейясу 2015). Но это в высшей степени традиционное учение уже было обличено Латуром как пример «перемещения без трансформации»: как если бы «та же самая» форма могла содержаться в собаке,

а затем в неизменном виде извлекаться из нее разумом. В противовес этой догматической версии формализма нужно признать, что между любыми двумя формами не может быть никакой эквивалентности. Вещи попросту неконвертируемы в знание — или любой другой вид доступа посредством наших «практик» — без значительной трансформации. Настоящая проблема учения Канта состоит не в том, что он ввел вещи в себе, а в его представлении о том, что они преследуют только человеческих существ, так что на трагическое бремя конечности обречен только один-единственный вид объекта. Кант не отметил, что поскольку никакое отношение не исчерпывает свои члены, то любой неживой объект точно так же является вещью в себе и для любого другого объекта. Впрочем, коль скоро данная книга посвящена человеческим обществам, взаимодействие объект-объект, независимое от человека, останется на периферии нашего интереса.

Быть может, самое частое сожаление по поводу вещи в себе состоит в том, что она не оставляет нам ничего, кроме «негативной теологии». Обратите внимание на замечания моего друга, известного философа-рационалиста Адриана Джонстона, чья позиция отличается от моей:

Многочисленные постидеалисты XIX–XX века в конечном счете продвигают поверхностный мистицизм, базовую логику которого трудно отли-

чить от логики негативной теологии. Вот неизменный каркас этого мышления: есть данный x ; этот x нельзя рационально и дискурсивно схватить на уровне каких-либо категорий, понятий, предикатов, качеств и т. п. (Johnston 2013, 93).

Похожие вещи говорят сторонники АСТ, например, когда Латур выражает недовольство «нытьем» защитников вещи в себе (Latour 2013, 85). Однако здесь есть несколько проблем. Во-первых, негативная теология редко исключительно негативна и лишь иногда бесполезна. Даже в раннесредневековых текстах Псевдо-Дионисия, негативного теолога *par excellence*, можно найти объяснение христианской Троицы, которое является каким угодно, только не негативным:

Свет каждого из светильников, находящихся в одной комнате, полностью проникает в свет других и остается особенным, сохраняя по отношению к другим свои отличия: он объединяется с ним, отличаясь, и отличается, объединяясь. И, когда в комнате много светильников, мы видим, что свет их всех сливается в одно нерасчленимое свечение (Pseudo-Dionysius 1987, 61; Дионисий Ареопагит 2002, 255-256).

Не нужно верить в Троицу, чтобы посчитать эту аналогию прекрасной. Такие примеры, конечно, не смутят Джонстона, который, будучи ате-

истом и материалистом, с радостью оставит теологам их, как он считает, пустые игры. Однако его подход к познанию не способен учесть кое-что гораздо более дорогое для него: саму философию. Вспомните его саркастические слова: «есть данный x ; этот x нельзя рационально и дискурсивно схватить на уровне каких-либо категорий, понятий, предикатов, качеств и т. п.». Заметьте, однако, что, помимо прочего, эта фраза описывает и метод Сократа. В каком абзаце какого платоновского диалога Сократ хоть что-нибудь «схватывает» на уровне категорий, понятий, предикатов или качеств? Сократ претендует на то, чтобы быть не мудрецом, а философом: *влюбленным* в мудрость. Если что и отличает философию от наук, то именно эта претензия на незнание, которое, однако, не только негативно.

Джонстон, видимо, считает, что познание не допускает компромиссов: или мы познаем при помощи ясного пропозиционального языка, или нам не остается ничего, кроме туманной жестикюляции. Эта ложная альтернатива известна как «парадокс Менона» и названа так по имени Менона, собеседника Сократа из одноименного диалога: мы не можем искать то, что у нас есть, и не можем искать то, чего у нас нет, поэтому нет никаких причин искать что-либо. Этому нефилософскому тезису Сократ противопоставляет самый философский из тезисов: нельзя сказать, что у нас есть истина, и нельзя сказать,

что у нас ее нет, мы всегда где-то посередине. Заметьте, что, исходя из бескомпромиссного — «все или ничего» — взгляда Джонстона на интеллектуальную деятельность, невозможно объяснить ценные в познавательном плане активности, которые не являются в первую очередь понятийными или дискурсивными. Может быть, наилучший пример — искусства. Как можно с помощью дискурсивной терминологии парафразировать «Авиньонских девиц» Пикассо, не потеряв что-то крайне важное? Если лучшие художественные критики пишут индизикаторно и эллиптически, то вовсе не потому, что они «поверхностные мистики» или мошенники-иррационалисты, а потому что этого требует их предмет. Хорошее письмо не только ясное и лишенное «туманности»: письмо должно быть еще и *живым*, чтобы сделать свой предмет наглядным, а не заменять его пучками эксплицитных и верифицируемых качеств. Иногда вещи открываются нам только косвенно, поэтому ниточки к ним мы ищем в парадоксах, а не в точных предикатах.

Необходимо положить конец еще одному предрассудку касательно вещи в себе, а именно представлению, что она имеет «потусторонний» характер. На самом деле имматериалистическая модель не признает дуализм миров. Напротив, в ней предполагается, что каждый объект в *этом* мире — вещь в себе, поскольку его нельзя без потерь перевести ни в какой вид

знания, практики или каузального отношения. Мы, живущие в этом мире, сами являемся вещами в себе, как и столы, гиены и кофейные чашки. В свою очередь, имматериалистическое возражение против «имманентности» не в том, что она закрывает для нас некоторый утопический истинный мир, а в том, что чистая имманентность не способна объяснить изменение, а потому ведет к представлению, согласно которому выраженное сейчас в мире — это все, что мир может предложить. Теперь, сделав ряд замечаний об АСТ и новом материализме и отграничив их от ООО, следует изучить пример конкретного объекта. По причинам, которые я объясню немного позднее, идеальным примером для наших целей является давно исчезнувшая Голландская Ост-Индская компания.



ЧАСТЬ II. ГОЛЛАНДСКАЯ
ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ



6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОС

ФИЛОСОФ Готфрид Вильгельм Лейбниц был решительным, но все же неоднозначным сторонником объектов, известных как «монады» (Leibniz 1989, 213–24; Лейбниц 1982, 413–430). Одна из проблем его теории состояла в том, что он настаивал на абсолютном различии между простыми, естественными субстанциями и составными, искусственными агрегатами. Если АСТ достаточно гибка и поддается анализу все, от поездов и боеголовок до обывательствующих артерий, то Лейбниц решительно запрещает считать сложные агрегаты индивидуальными вещами. Это ясно из его переписки со знаменитым теологом-янсенистом Антуаном Арно в 1680-е годы. Как пишет Лейбниц, «составную вещь, сделанную из бриллиантов “Великий герцог Тосканы” и “Великий Могол”, можно назвать парой бриллиантов, но существует она только в уме» (Leibniz 1989, 85–86). Иными словами, «пару» бриллиантов можно полагать в уме, но ни при каких условиях ее нельзя считать реальной вещью. Лейбниц продолжает эту мысль: «Если машина — это субстанция, то круг людей, держащихся за руки, тоже субстанция, и это будет верно для армии,

а в итоге и для любого множества субстанций» (Leibniz 1989, 86). Проще говоря, его беспокоит, что признание машин, кругов людей или армий реальными вещами приведет нас к опасному утверждению, что *любой* случайный набор вещей тоже должен считаться субстанцией. Для Лейбница проблема не снимается, даже если в качестве критерия принадлежности к объектам использовать физический контакт: «почему несколько соединенных в цепь колец составляют подлинную субстанцию, а если они разомкнуты так, чтобы их можно было разять, то не составляют?» (Leibniz 1989, 89). Формальный порядок как критерий единства тоже не годится, ведь «если части, подходящие друг другу согласно одному и тому же плану, более пригодны для образования подлинной субстанции, чем части, касающиеся друг друга, то все служащие Голландской Ост-Индской компании составляют реальную субстанцию в гораздо большей степени, чем груда камней» (Leibniz 1989, 89).

Последнее утверждение Лейбниц предъявляет в качестве доказательства через *reductio ad absurdum*, будто представление о Голландской Ост-Индской компании как субстанции настолько смехотворно, что никто не воспримет его всерьез. Но именно единство этого объекта я и намерен доказать. Голландская Ост-Индская компания известна в Нидерландах как *Vereenigde Oostindische Compagnie* (Объединенная Ост-Индская компания). Ее название иссле-

дователи часто сокращают до аббревиатуры VOC, и я воспользуюсь этим удобным обозначением. Официально компания существовала с 1602 по 1795 год, хотя такие даты всегда условны. До голландцев главной европейской силой в Юго-Восточной Азии были португальцы, после голландцев — англичане. Португальцы вторглись сюда на исходе эпохи малайских султанов и островных государств, а на смену голландцам и англичанам пришли независимые Индонезия и Малайзия соответственно. Сегодня, когда речь заходит о западных империях, первое — и слишком часто единственное, — что приходит на ум каждому, это эксплуатация и господство. В ходе обсуждения истории мы встретим случаи несправедливости и жестокости, которые не следует повторять ни одной нации. Однако мы не должны при этом преувеличивать европейское господство, принимая во внимание неудавшееся захватническое вторжение западных сил в Японию времен сегуната Токугава (Clulow 2014) и особенно Китай императорской династии Цин (Willis 2005), а также учитывая укрепление местных султанатов в Ачехе (север острова Суматра) и Джохоре (на Малайском полуострове) в период существования VOC.

Базировавшаяся в Амстердаме VOC была первой акционерной компанией и потому создала первую в мире фондовую биржу. Если до нее путешествия за пряностями предпри-

нимали временные компании, которые учреждались инвесторами и расформировывались, как только корабли возвращались, то у VOC был свой постоянный флот и долгосрочный пул акционеров, не все из которых были богаты. Благодаря расстоянию от Нидерландов до Юго-Восточной Азии и медленности коммуникаций того времени VOC был предоставлен статус независимой уполномоченной инстанции. Таким образом, она фактически функционировала как суверенное государство, наделенное правом вести войны, подписывать международные договоры и вершить правосудие, зачастую жестокое, от имени самих Нидерландов. Истоком успехов и преступлений VOC был ее статус монополии, необходимый для сохранения цен достаточно высокими для того, чтобы поддерживать столь дорогое заморское предприятие. Как заявлял жестокий генерал-губернатор Голландской Ост-Индии Ян Питерсзон Кун, само выживание Голландской республики требует, чтобы эта монополия безжалостно вытеснила другие европейские силы (Brown 2009, 33). Более того, позиция Куна влекла за собой дальнейшее распространение голландской монополии на внутриазиатскую торговлю пряностями. Это вынудило народы Ост-Индии заключать эксклюзивные договоры с VOC, тем самым разрушая давние связи с арабскими, китайскими и индийскими торговцами и сводя их к опасным контрабандистским

сделкам. VOC заставила местных жителей переселиться в места, удобные для ее деятельности, многих обратила в рабство и уничтожила огромное количество деревьев, чтобы пряности выращивались только на контролируемых ею территориях.

Хотя мне и понадобятся некоторые исторические подробности, чтобы наглядно описать VOC читателю, это не книга по истории. Историки обращаются к документам и иным источникам, чтобы установить, что на самом деле случилось в прошлом. Здесь же будет развернута — за неимением лучшего термина — *онтология*, а не история VOC. Нас будут интересовать не столько события, сколько участвовавшие в них разнообразные сущности, независимо от того, что с ними происходило. Если история аналогична сюжету романа, то онтология ближе к исследованию главных героев романа, независимо — человеческих, институциональных или неодушевленных. АСТ всегда советует нам «следовать за актерами», но объектно-ориентированной теории также интересно следовать и за собаками, которые не лаяли, или за собаками, лающими во сне. Если АСТ предлагает нам проследовать за разногласиями, чтобы схватить момент зарождения вещей, а не момент, когда они уже состоялись, то нас, помимо этого, интересуют моменты, когда реальность вещей непротиворечива, моменты простых успехов и неудач, а не разногласия. И если теория

ассамбляжей нового материализма предлагает нам рассматривать акторов в состоянии постоянного изменения (Harman 2014b), то с точки зрения имматериалистического метода большинство изменений поверхностны, а важные изменения происходят в случаях *симбиоза*.

В распространенных представлениях слово «объект» часто означает сущности неодушевленные, долговечные, нечеловеческие или сделанные из физической материи. Мы уже видели, что имматериализм противостоит таким критериям объектности и утверждает, что сущность определяется как объект, если она не редуцируема ни к своим компонентам, ни к своим эффектам, то есть если объект не *исчерпывается* методами стратегий подрыва и надрыва, хотя, конечно, эти методы часто дают свои плоды. С такой точки зрения объектность VOC не вызывает никаких обоснованных сомнений: тем не менее следует быть внимательными к возможным свидетельствам того, что единое имя компании скрывает за собой три или четыре независимых, но одновременно происходивших процесса. Каждый из кораблей мощного флота VOC может быть рассмотрен как объект, но флот никоим образом не является простой совокупностью отдельных кораблей — не более, чем каждый корабль представляет собой просто совокупность досок и орудий. VOC отвечает полезному критерию, предложенному Мануэлем Деландом (DeLanda 2006; Деланда 2017) для

идентификации реальных ассамбляжей — его термин для того, что я называю «объектом».

(1) VOC явно оказывает обратное влияние на свои части: изменяя жизни и карьеры своих служащих, обращая островитян в рабство, провоцируя переустройство азиатских территорий и фортификационное строительство, направляя пряности в новые города и вывозя их оттуда.

(2) Столь же явно VOC порождает *новые* части: флотилии, специально спроектированные и построенные для ее нужд, новые фабрики и новые монеты, отчеканенные с эмблемой компании.

(3) Кроме того, VOC обладала эмерджентными свойствами, которых не было у ее компонентов. Совокупность солдат и кораблей VOC, взятых по отдельности, была бы слабой угрозой для английского судоходства или деревенских жителей Молуккских островов; но будучи организованной, единая VOC — это устрашающая и зачастую мстительная военная машина. Однако нужно подчеркнуть, что, во-первых, эти обратные влияния, новые части и видимые эмерджентные свойства представляют собой просто симптомы присутствия объекта, а во-вторых, ни один из этих элементов не является *обязательным условием* объектности. Дело в том, что прежде всего VOC не эквивалентна общей сумме воздействий на свои части, поскольку у нее всегда могут иметься другие воздействия или она может вообще ни-

как не влиять на эти части. Во-вторых, новый объект возможен и без каких-либо доступных наблюдению новых свойств, особенно как это бывает у «спящих объектов» (Hagman 2010b), которые существуют несмотря на временное или постоянное отсутствие какого-либо воздействия на что бы то ни было.

7. О СИМБИОЗЕ

ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ философия — это вид реализма, для которого любые объекты существуют и до своих отношений или воздействий. Атеросклероз и туберкулез не производятся *ex nihilo* в медицинских практиках, первыми регистрирующих их существование. Скорее эти заболевания, какими они встречаются в практике, трансформируют некоторую подлинную и существовавшую до встречи в практике сущность или сущности, которые наш опыт более или менее умело переводит. В противном случае мы бы обнаружили себя в онтологии настолько «имманентной», что она была бы откровенно идеалистической, а в мире не осталось бы никакого невыраженного избытка, способного стать источником изменения. Когда Анн-мари Мол рассматривает «атеросклероз» как коррелят конкретной диагностической практики, а не заболевание-в-себе, не следует понимать это буквально (хотя Мол явно понимает это буквально), будто данный объект не существует помимо практик, регистрирующих его существование, что бывает только в случаях ошибочного диагноза. Вместо этого его надо

рассматривать как *синекдоху*, в которой новому составному объекту (врач + заболевание) дается имя одной из его частей (заболевания). В таком случае мы сможем воздать должное воздействиям людей на объекты, с которыми они имеют дело, рассматривать эти отношения как новые объекты, пусть и мимолетные. Чего не следует делать, так это обрывать все обсуждения заболевания как чего-то самостоятельного, как если бы болезнь существовала лишь как ретроактивный спутник человеческих медицинских работников.

Было бы странно заявлять, что, как только в практиках врача обнаружен атеросклероз, автоматически возникает новый *врач*; точно так же странно думать, что само заболевание впервые появляется в момент обнаружения его людьми. Латур часто осмеливается делать подобные заявления, как в случае его представления о том, что Пастер и микробы создают друг друга — представления вполне объяснимого, учитывая, насколько сильно изменилась жизненная траектория Пастера начиная с этого момента. Однако вовсе не случайно, что Латур, выдвигая этот тезис, выбирает *решающий* момент в карьере Пастера и никогда не говорит, что Пастер и его бритва или дверная ручка создают друг друга каждое утро, хотя такие крайности ничуть не меньше подразумеваются его реляционной онтологией. Будь все отношения одинаково значимы, каждая сущность стано-

вилась бы новой вещью в каждый рядовой момент своего существования, ведь наши отношения с объектами всегда находятся в движении. Впрочем, не менее проблематично, когда, соглашаясь с нами, утверждают, что *не* все отношения одинаково важны, а затем для определения важности привлекают внешний критерий: «значимость для человеческой деятельности», например. Если мы хотим избежать абсурдности отношения ко всем катастрофическим и рядовым событиям как одинаково важным в жизни объекта, нам нужен критерий, позволяющий выделить те относительно редкие события, которые трансформируют саму реальность объекта.

Рассматривая каждое отношение как значимое для его членов, мы скатываемся в «градуалистскую» онтологию, в которой каждый момент так же важен, как любой другой. В эволюционной биологии [филетическому] градуализму противостоит теория прерывистого равновесия (Eldredge and Gould 1972). Согласно этой теории, биологические виды не развиваются постепенно, благодаря случайным генетическим изменениям и повышенному показателю смертности более слабых особей. Напротив, эволюция происходит стремительными скачками, чередующимися с более длительными периодами относительной стабильности. Это хорошая отправная точка для имматериалистической теории. Однако идея прерывистого рав-

новесия может оказаться излишне ориентированной на события, поскольку стремительные изменения вида могут быть результатом катастрофического изменения среды, как в случае знаменитого юкатанского астероида, возможно, уничтожившего динозавров. Более подходящую для наших задач модель предлагает теория последовательного эндосимбиоза Линн Маргулис (ранее Линн Саган), ведущей сторонницы той гипотезы, что органеллы эукариотических клеток были самостоятельными существами прежде, чем стать функциональными частями единой клетки (Sagan 1967; Margulis 1999). Один из основных тезисов этой теории, поначалу проигнорированной или отвергнутой, а затем вошедшей в учебники по биологии, состоит в том, что в качестве эволюционной силы постепенное формирование генофонда путем естественного отбора менее важно, чем поворотные симбиозы различных организмов. Эта идея ценна не только в эволюционной биологии, но и, например, для понимания биографий. Мы считаем, что ключевые моменты человеческой жизни редко проистекают из уединенных интроспективных бдений. Чаще всего они случаются благодаря симбиозу с другим человеком, профессией, институтом, городом, любимым автором, религией или же в связи с чем-то еще, изменяющим жизнь. Даже в тех случаях, когда великие события действительно происходят в чьей-то голове, это принимает форму сим-

биоза с важной идеей или решением, которому человек отныне посвящает себя. Несмотря на оттенок совместности в этимологии термина, симбиоз часто не обоюден: легко признать мой переезд в Каир в 2000 году поворотным моментом моей жизни, не впадая при этом в нарциссическое заблуждение, что с моим приездом легендарная столица Египта вступила в новый этап своей жизни. Во всяком случае, как и у других социальных объектов, у людей не одна жизнь и не множество жизней, а *несколько*, одна за другой.

Модель симбиоза предполагает, что ложны обе альтернативы: сущности не обладают неизменным характером и не представляют собой номиналистический поток «перформативных» идентичностей, которые меняются и колеблются с самим течением времени. Напротив, объект в своей жизни проходит через несколько поворотных точек, но не множество. Некоторые из них наделают шуму в истории, как, например, главные сражения, восхождение тирана или любовь с первого взгляда. Однако некоторые наделавшие много шуму события оказываются не столь уж значительными, тогда как симбиоз может происходить тихо, и может пройти какое-то время, прежде чем его влияние на среду будет замечено. Это смещает акцент с акторов и действий, в то же время обеспечивая новые инструменты, позволяющие всерьез работать с объектами, даже когда они

бездействуют. Своей популярностью философия Бадью частично обязана заложенной в нее мощной интуиции, что события относительно редки (Badiou 2006). Однако Бадью модернист и идеалист, он слишком уж односторонне укореняет такие события в верности человеческого субъекта, тем самым сохраняя толику экзистенциализма, перенятого у Кьеркегора и Сартра. В противовес этому нам следует признать, что симбиотическое изменение не всегда вопрос человеческой преданности, поскольку оно затрагивает даже ленивого пройдоху, который не сможет сохранить верность любовным отношениям, религиозному обращению, политической революции или слиянию компаний, в которые он при этом, возможно, вступил безвозвратно. Впрочем, можно ценить желание Бадью дискретизировать историю и не принимать непрерывный поток движения ради движения, идею которого он правильно отвергает за ее бесполезность. Однако, согласно имматериализму, предложенные Бадью человеческие ставки на важность исчезнувшего события — не лучшие критерии для поворотных точек в жизнях сущностей. Вместо них следует искать симбиозы, которые отмечают подлинные точки необратимости независимо от того, прозрачен, восторжен, решителен или героичен субъект, когда они свершаются.

Читателя, возможно, заинтересует, чем мое употребление термина «симбиоз» отличается

от такового у Жиля Делёза. В его беседах с Клер Парне можно найти следующее:

Единство ассамбляжа задается только одним — совместным функционированием: это симбиоз, «симпатия». Это никогда не отношения родства, которые важны, а союзы, смеси; не последовательности, линии родства, а инфекции, эпидемии, поветрие (Deleuze and Parnet 2002, 69).

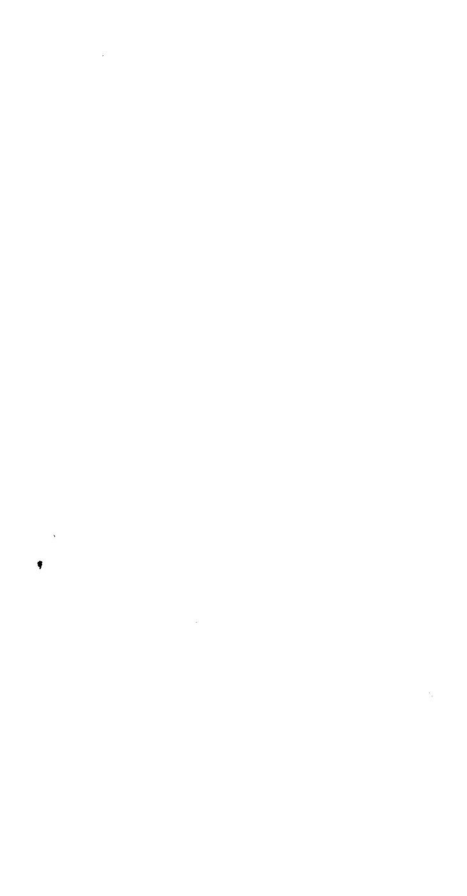
Что бы на самом деле ни имел в виду Делёз под симбиозом, из этой цитаты ясно, что он говорит о нем в более широком смысле, нежели ООО. Если каждый союз и каждую смесь (не говоря уже об инфекциях, эпидемиях и поветриях) можно считать симбиозом, то Делёз нам здесь не помощник, так как наша задача при работе с термином «симбиоз» — *ограничить* и без того широкое понятие отношений в АСТ. Мы используем этот термин для обозначения особого типа отношения, которое меняет реальность одного из своих членов, а не просто сводится к наблюдаемому взаимовлиянию.

Я говорил о симбиозе как центральном понятии имматериалистической теории и предположил, что каждый новый симбиоз в жизни объекта дает начало новому *этапу*; мы используем именно этот термин, а не термин «фаза», который Деланда уже использует в другом смысле, позаимствовав «фазовый переход» из естественных наук. Бывает также *псевдосимбиоз*,

в котором яркое событие ошибочно принимается за симбиоз и который чем-то похож на недостаточно разработанное у Бадью псевдособытие (Badiou 2006). Однако важнее здесь явная двусмысленность в самом понятии симбиоза. Маргулис обозначает этим термином возникновение новых полноценных видов. Имматериализм же использует симбиоз как способ выявления конечного числа отдельных фаз в жизни одного и того же объекта, а не способ создания нового. Без понятия симбиоза в философском плане мы остались бы с одним из трех нежелательных итогов: (1) градуалистский подход к жизни объекта, в котором все ее моменты поразительно равноценны независимо от своей важности или тривиальности; (2) неградуалистская модель, принимающая различие между тривиальными и важными фазами существования объекта, но только за счет использования внешнего критерия (насколько эти перемены влияют на внешние объекты); (3) альтернативная теория симбиоза, которая рассматривает каждую фазу VOS как совершенно новый объект, тем самым исключая любую попытку установить отдельные этапы ее жизни и отбрасывая нас к локальному применению позиций (1) или (2) к каждому объекту.

Если симбиотические этапы должны обозначать отдельные фазы в существовании одного и того же объекта, то их, конечно, следует отличать от рождения и смерти объектов. Чтобы

теперь сосредоточиться на этапах, мы условно примем официальные даты начала и окончания существования VOC. Возникновение компании можно отнести к 1602 году, когда она официально стала самостоятельным монополистом в голландской торговле пряностями, а гибель — к 1795 году, когда она была национализована голландским правительством под контролем Наполеона. Теперь нужно определить главные этапы между условным возникновением и прекращением существования компании. Ни АСТ, ни новый материализм не помогут нам в этом, поскольку нам нужна и VOC как объект отдельно от ее действий, и очевидно схематичная периодизация ее существования.



8. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КУН

ОДИН из повторяющихся интеллектуальных тропов последнего века — представление о том, что вещи нужно заменить действиями, статичные положения — динамическими процессами, существительные — глаголами. От Бергсона и Джеймса, Уайтхеда и динамистских прочтений Хайдеггера до недавних делёзианских течений — всюду «становление» разыгрывается как козырная карта новаторов, а «бытие» проклинаят как печальный возврат к архаичным философиям старых времен. ОО делает ставку на противоположный принцип: не потому, что становление иллюзорно, а лишь потому, что изменчивый процесс не может протекать без того, чтобы что-то оставалось вне процесса. Многие авторы, в том числе Брайант (Bryant 2014, 17), до сих пор придерживаются мнения, что «то, что вещь может» важнее, чем вопрос о том, «что она такое». Если мы делаем акцент на слове «может», то фраза «то, что вещь *может*» является, по меньшей мере, шагом прочь от теории, что сущность есть лишь то, что она делает прямо сейчас: это шаг, аналогичный аристотелевской критике мегарцев при помощи понятия потенциальности. Однако это

предполагаемое улучшение все еще допускает, что в конечном счете важно только то, какое влияние оказала или могла бы когда-то оказать вещь на то, что ее окружает. Такой подход в ряде отношений может исказить наше представление об объектах, что не только ставит перед нами онтологическую проблему, но и имеет методологические последствия. К примеру, если мы неверно поймем VOC как состоящую из того, «что она может», а не из того, «что она есть», то будем склонны чересчур сильно реагировать на самые драматические события ее жизни, поскольку это наиболее наглядные примеры «действий», на которые способна вещь. Точнее, в любом условном списке ярких или не очень примеров того, что «что может VOC», скорее всего, будет преувеличена важность торжественных церемоний, битв, слияний, договоров, кровавых расправ, захватов территорий и географических открытий. Эта стратегия может быть верна, но только если мы ищем моменты максимального исторического влияния компании. Нас, однако, интересует не каждое событие в истории VOC, бывшее важным для разных удачливых и не очень объектов, а только те, что были важны для самой VOC.

Несмотря на то, что симбиоз, коль скоро он произошел, несомненно, можно описать при помощи глаголов, все же ядро понятия — это связь между двумя объектами, лингвистически выражаемая существительными. Чтобы с че-

го-то начать, давайте временно примем старую школьную классификацию «существительное обозначает *лицо, место* или *вещь*», пока не беспокоясь о том, произвольно ли это различие или у него есть прочное основание, способное проделать настоящую интеллектуальную работу за нас. Сейчас мы просто упорядочим доступную информацию о VOC. Начнем традиционно с того типа существительного, которое указывает на «лицо». В гуманитарных и социальных науках дискуссии о роли людей зачастую сводятся к вопросу о том, делаем ли мы акцент на важности вклада великих личностей или на совокупной работе коллективов. Этот выбор часто негласно коррелирует с элитистскими или эгалитаристскими политическими представлениями соответственно, которых придерживается говорящий. Проблема в том, что независимо от того, считаем ли мы, что история вращается вокруг индивидов или коллективов, обе альтернативы антропоцентричны и связаны с *людьми*. Имматериализм, напротив, связан с объектами, и благодаря этому зачастую возможно рассматривать карьеры людей как варианты реакций на основополагающий объект. К примеру, важные европейские философы часто появляются группами по три или четыре: предположительно не потому, что человеческий генетический фонд активизируется в особые исторические периоды, а скорее потому, что есть несколько разных способов

сформулировать новую основополагающую идею, захватившую эпоху. В этом отношении и индивиды, и коллективы менее важны, чем объекты, с которыми они связаны.

Однако часто неверно считают, что ООО с ее интересом к объектам должна достигать их, исключая или искореняя людей. Это ложное допущение содержится во многих из адресуемых ООО вопросов: «Каким было бы искусство без людей?», «Какой была бы архитектура без людей?» Дело не в том, чтобы *вычесть* людей из любой ситуации, а в том, чтобы сосредоточиться на том, что люди сами являются *составляющими* того или иного симбиоза, а не просто привилегированными наблюдателями, занимающими внешнюю позицию. Следует помнить, что люди и сами являются объектами, и что в качестве объектов они тем богаче и важнее, чем больше они борются против любых обстоятельств, с которыми сталкиваются, а не просто являются продуктами своего времени и места. Поэтому в своем рассмотрении симбиоза мы можем начать с поиска в истории ВОС отдельных выдающихся людей. Это идет вразрез с нынешней модой отвергать историческую теорию «великих людей» и «романтическую концепцию гения» — как если бы все, порожденное романтизмом, по своей сути было ложным. Согласно новейшим тенденциям, следует фокусироваться на исследовании повседневной жизни и постепенных коллективных достиже-

ний, а не на традиционных, строящихся вокруг инициативы сверху, рассказах о королях и предводителях, их договорах и битвах. Кроме того, действует негласное предположение, что этого требует прогрессивная демократическая политика. И правда, такой объект, как Голландская Ост-Индская компания, никогда бы не возник, не будь в Нидерландах некоторых коллективных особенностей: выдающиеся мореходные и кораблестроительные навыки голландского народа, бывшие испанские хозяева, угрожавшие существованию новой страны, мощные личные и национальные устремления голландского народа в тот исторический момент. Такие факторы играют решающую роль в *рождении* VOC, но сейчас мы обсуждаем ее симбиотическую трансформацию, а симбиоз включает себя элемент случайности, легче связываемый с особенностями отдельной личности, чем с более широкими коллективными свойствами. Иначе говоря, мы начинаем с поисков значимых индивидов только потому, что непосредственный источник нового этапа чаще связан с особым видением или волей одного человека, а не со статистическим средним правящей группы или нации, поскольку последние в целом принадлежат к фоновым условиям, уже включенным в *status quo*, а не к непосредственным причинам или катализаторам его изменения.

Обзор истории VOC показывает, что наиболее выдающейся личностью был Ян Питерсзо-

он Кун (1587-1629), считающийся сегодня классическим империалистическим злодеем (Brown 2009, 9-55). Будучи дьявольски амбициозным человеком, не гнушавшимся вымогательства и кровавых расправ в духе сурового кальвинистского благочестия, Кун занимал пост генерал-губернатора VOC в течение двух сроков (1618-1623, 1627-1629), разделенных кратким периодом проживания в Амстердаме. Как писал Стивен Браун, «Кун верил, что использование насилия было единственным путем к процветанию VOC. Бухгалтер по образованию, он показал себя искусным тактиком и безжалостным правителем» (Brown 2009, 31). Среди бесчисленных впечатляющих событий карьеры Куна следующие двенадцать в наибольшей степени заслуживают внимания любого биографа.

- 1609. Молодой Кун становится свидетелем вероломного нападения и расправы над адмиралом Питрусом Верхувеном и другими служащими VOC, учиненных жителями одного из Островов пряностей, Банда Нейра, из-за выдвинутых компанией претензий на торговую монополию.
- 1613. На Амбоне, одном из Островов пряностей, Кун обменивается оскорблениями с капитаном Английской Ост-Индской компании (*English East Indies Company*, далее EIC) Джоном Джурдейном, заявляя ему, что у англичан нет права находиться на этом острове.

- 1614. Кун пишет свое печально известное «Рассуждение о состоянии Ост-Индии», в котором рисует масштабную картину тотальной монополии VOC в ост-индской торговле. Несмотря на некоторые опасения, возникающие в либеральном Амстердаме по поводу мутных политических следствий «Рассуждения», оно более или менее принимается в качестве новой программы компании.
- 1616. Кун угрожает гарнизону ЕИС на острове Ай, одном из Островов пряностей, и принуждает англичан к эвакуации. VOC легко захватывает остров. Англичане продолжают удерживать близлежащий остров Рун.
- 1618. После ухода в отставку его руководителя Кун в возрасте 31 года назначается генерал-губернатором VOC. Голландские и английские солдаты сражаются на улицах Бантена на острове Ява, где у обеих сторон есть торговые посты. Кун переносит штаб-квартиру VOC в Джаякарту (Джакарту) в 50 милях к востоку.
- 1619. Кун приказывает сжечь английский торговый пост в Джаякарте. Флот ЕИС под руководством сэра Томаса Дейла осаждает город, следует яростная морская битва, в которой побеждают англичане. Кун бежит на восток и уводит свои корабли, приказав солдатам оборонять город. Дейл не преследует Куна и вскоре направляет свой флот в Индию. Кун

тем временем возвращается и устраивает разрушительную атаку на Джаякарту, а затем переименовывает ее в Батавию, по названию расположенной здесь голландской крепости. Он приходит в ярость, когда руководство VOC в Амстердаме приказывает ему соблюдать новое соглашение о перемирии с БИС, по которому две трети торговли пряностями отходит VOC, а треть отдается англичанам.

- 1621. Кун возвращается на архипелаг Банда, чтобы спустя 12 лет отомстить за расправу над адмиралом Верхувеном и его подчиненными. По прибытии Кун осыпает проклятиями и изгоняет представителя англичан, предложившего мир между VOC и островитянами. По его приказу и во многом к огорчению его людей из VOC, японские наемники устраивают показательные пытки и казни 45 лидеров Банда. Большинство выживших банданезцев берут в плен и отправляют в Батавию, чтобы продать в рабство.
- 1623. Кун стремится уничтожить все мускатные деревья на территориях, неподконтрольных VOC, и превратить острова Банда в монопольную систему плантаций с рабским трудом. Плантации контролируются голландскими плантаторами, продающими урожай VOC по фиксированным низким ценам.
- 1623. Завершается первый срок Куна в качестве генерал-губернатора. Перед отъездом в Амстердам он советует своему заместителю

лю на Амбоне Херману ван Спелту присматривать за находящимся там небольшим английским контингентом. Бросившись рьяно исполнять задание, ван Спелт объявляет, что открыл заговор. Он жестоко пытает и казнит ряд англичан, японцев и португальцев, включая своего частого товарища по обедам английского капитана Гэбриела Тауэрсона. Этот инцидент вызывает разрыв соглашения между VOC и EIC и на десятилетия оставляет репутацию VOC в Европе запятнанной.

- 1627. Кун прибывает в Батавию, чтобы вступить в должность генерал-губернатора во второй раз. Он выдерживает длительную осаду со стороны усилившейся Матарамской империи султана Агунга.
- 1628. Султан Агунг атакует снова, на этот раз превосходящими силами. Но Кун использует морское превосходство VOC, чтобы уничтожить матарамские баржи с зерном, в результате чего истощенная голодом армия Агунга терпит поражение.
- 1629. 12-летняя подопечная Куна голландско-японского происхождения (и дочь коллеги) Сартье Спекс поймана во время прелюбодеяния с 15-летним голландским солдатом. По приказу Куна солдата обезглавливают, а Сартье приговаривают к утоплению, затем заменяют приговор публичной поркой. В возрасте 42 лет Кун умирает в Батавии от дизентерии или холеры. В должности ге-

нерал-губернатора его сменяет не кто иной, как отец Сартье Жак Спекс.

Многое здесь может вызвать как интерес, так и ужас. Если мы сосредоточимся на действиях — на том, «что делает Кун» или «что делает VOC», — а не на том, что они такое, то все эти события окажутся крайне важными, а большинство из них можно будет считать поворотными моментами чьей-то жизни или истории того или иного места. Но нас здесь интересует VOC, а не Кун как личность — VOC как объект, сменяющий этапы жизни посредством симбиоза, а не как актер, ответственный за различные события. С этой точки зрения есть только три события, претендующие на роль симбиоза. Два включают в себя места, поэтому будут разобраны в следующем разделе: основание Батавии как региональной столицы VOC в 1619 году и произошедшая в 1623 году резня на Амбоне, в результате которой компания добилась господства на Островах пряностей.

Сейчас же мы сосредоточимся на другом возможном симбиотическом событии: представлении «Рассуждения о состоянии Ост-Индии» «Семнадцати господам», управляющему совету VOC в Амстердаме. Причем нас будет интересовать только фрагмент этого трактата. Часть «Рассуждения» посвящена голландской национальной безопасности в связи с другими европейскими державами. В ней утверждается,

что голландцы должны быть беспощадны к Испании и Португалии из-за их непрекращающихся попыток сокрушить независимость голландцев. Поэтому Кун считает оправданным не только нападение на португальские владения в Ост-Индии, но и посягательство на испанские владения на Филиппинах. Англии тоже следует запретить торговать в этом регионе, чтобы гарантировать европейскую монополию VOC на пряности. Ничего нового в этих предложениях не было. Адмирала Верхувена и его людей в 1609 году убили именно потому, что они хотели укрепить монополию на торговлю пряностями на островах Банда. Более того, еще в 1602 году, в первый год существования VOC, капитан Волферт Харменсзон пытался усилить контрактную монополию на острове Банда Нейра, что поставило бы крест на торговле островитян с их традиционными арабскими, китайскими и яванскими партнерами, предлагавшими для обмена более полезные, чем у голландцев, товары (Brown 2009, 11–12). Однако в сочинении Куна предлагался более систематический план. Браун отмечает:

Это была абсурдно амбициозная картина, заманчиво масштабная по своему размаху. [VOC] соблазнилась этой пьянящей схемой, закрыв глаза на отвратительное, хотя и неопределенное насилие, необходимое для достижения этих целей. Теперь члены правления мечтали о господстве не только

над европейско-азиатской торговлей, но и над азиатской межостровной (Brown 2009, 34).

Хотя Харменсзоон руководствовался похожей схемой, он не делал систематических заявлений обо всей местной торговле в Ост-Индии, и на деле жители Банда Нейра никогда не принимали всерьез даже его ограниченные требования. Симбиозом, трансформировавшим VOC, стало принятие ею куновского манифеста, который превратил компанию из автономной голландской торговой монополии в квазиколониальную грабительскую машину, бесчинства которой рационализировались экзистенциальным риском, которому в противном случае подверглись бы молодые независимые Нидерланды. Почему мы датируем первый симбиоз 1614-м, а не 1621 годом, когда этот документ был впервые приведен в исполнение посредством резни и порабощения на островах Банда? Потому что эти зверства просто явили миру новую VOC через ее действия, а не создали новую компанию. Отвергни VOC документ Куна, он все равно смог бы отомстить за Верхувена, но это был бы лишь кровавый и постыдный единичный инцидент, который мог бы нанести урон репутации VOC, не будучи выражением новой реальности компании. Поскольку объект должен существовать, чтобы действовать, а не действовать, чтобы существовать, из этого следует, что у всех объектов есть какой-то период *сна*, предшествующий

ший их первым регистрируемым воздействиям на среду. Объект, или фаза, рождается, и между этим моментом и моментом, когда он вступит в отношение с объектом вовне, есть некоторый *временной лаг*. Спящий объект реально присутствует, но не влияет на другие объекты или, по крайней мере, пока что не влияет.

Так или иначе, не следует рассматривать VOC прежде всего как актора с эффектами, мы должны видеть в ее действиях в первую очередь *афтершоки* ее реальности. VOC не то, что она делает, а то самое широко скомпрометированное «то, что она такое», которое не следует путать со вторым принципом двойного срыва, «то, из чего она сделана». Какими бы важными ни были действия обновленной куновской VOC для ее соседей, с точки зрения компании образца 1614 года это всего лишь инциденты; в терминах классической философии это *акциденции*. Считать эту спящую VOC лишенной всякой ценности вещью в себе или же значимой лишь благодаря оказанным воздействиям и на этом основании отбрасывать — значит придерживаться «виговской» историографии, в которой только победа определяет реальность вещи, как в существовавшей до 1990-х годов гоббсовской версии АСТ. В любом историческом моменте присутствуют не только победители и проигравшие, но и неопределенные предпобедители и предпроигравшие, и в онтологии Ост-Индии это должно учитываться. Главной среди них на этом

этапе была EIC. Хотя и основанная на два года раньше VOC, она была тогда гораздо более слабым объектом, отчасти из-за относительной независимости каждого из ее капитанов; именно с этим и столкнулся Дейл, когда ему не удалось убедить своих номинальных подчиненных организовать погоню и уничтожить флот отступающего Куна. Помимо EIC были Португалия, людские ресурсы и владения которой сокращались, и могущественная Матарамская империя на Яве, не говоря уже о прежних силах — Ачехе, Джохоре, Бантене, Китае и Японии. Истории не остается ничего, кроме как признать, что одни объекты успешнее других: римляне сильнее этрусков, американские революционеры — американских тори, а сражавшаяся за независимость армия Ататюрка сильнее отвергнутого Севрского договора. Имматериалистическая онтология, отталкиваясь от истории, ценит симбиозы объекта выше, чем конфликты, которые ослабляют или уничтожают врага или сам объект.

Одно из следствий состоит в том, что события зависят от объектов больше, чем объекты от событий. Возьмите, например, англо-голландское перемирие 1619 года на фоне преимущественно протестантско-католической Тридцатилетней войны (1618-1648). Согласно всем ожиданиям, оно должно было стать решающим событием и даже привести к преждевременной гибели куновской максималистской VOC. Все-

го пятью годами ранее управляющие VOC были очарованы зловещим трактатом Куна, а теперь из-за политической ситуации в Европе неожиданно возжелали передать треть своей торговли пряностями уже побежденным англичанам. Эта новая ситуация легко могла запугать Куна, или же он мог попросту решить, что в интересах его карьеры подчиниться приказам из Амстердама. В таком случае куновская VOC погибла бы, а в симбиозе с перемирием родилась новая VOC, ведомая умеренным Куном или новым спокойным генерал-губернатором. Или же, если бы Кун в этот момент умер или ушел в отставку, один из его заместителей мог бы подхватить упавшее знамя, подобно Августу вслед за его убитым дядей Юлием, и, как и Кун, занять жесткую позицию по отношению к перемирию. В действительности же получилось так, что Кун задушил перемирие в колыбели, коварно потребовав от англичан участия в военных делах, которое, как он знал, они не могли обеспечить. Как только на архипелаге Банда провели этнические чистки и в особенности как только англичан и других вырезали на Амбоне, объект «перемирие» стал нежизнеспособен, и куновская VOC смогла пережить смерть одного из своих центральных компонентов: самого Куна. Однако создание таких *faits accomplis* следует приписывать не рождению объектов, — поскольку они могут родиться до того, как смогут победить, потерпеть поражение или вообще что-ли-

бо сделать, — а смертельной борьбе между уже существующими объектами и этапами: куновская VOC, VOC перемирия, какой ее представляли себе в Амстердаме, EIC перемирия и независимый архипелаг Банда под управлением многочисленных старост деревень, или *orang kaaya*. Поскольку каждый объект в своих ранних схватках не на жизнь, а на смерть должен стремиться установить «сложившееся положение дел», получается, что большинство симбиозов случаются в начале жизни объекта, и к концу этого раннего периода он обретает относительную прочность. События не могут происходить ежесекундно, но представляют собой афтершоки рождения или нового этапа жизни объекта.

Помимо прочего, это объясняет, почему «великие люди» обычно появляются группами в начале истории их общего объекта, ведь возможности симбиоза особенно легко возникают в первые дни объекта и его соперников. Как уже упоминалось, важные европейские философы почти всегда появляются группами по три или четыре. Американцы жалуются на своих нынешних посредственных политиков, которые не сравнятся с дюжиной «отцов-основателей», совершивших революцию и подписавших Конституцию между 1775 и 1787 годом. Самые прославленные политические герои Франции в революционный и наполеоновский периоды появляются группами. В немецкой интеллектуальной жизни, можно сказать, непрерывно сме-

няли друг друга «Буря и натиск», романтизм и идеализм 1700-1800-х годов с Кантом и Гёте как собственными неповторимыми кунами немецкой интеллектуальной истории. Историки науки все еще восторгаются «героической эпохой физики» Эрнеста Резерфорда (Rhodes 1986, 157) и ее полубогами Планком, Эйнштейном, Бором, Гейзенбергом, Шрёдингером и самим Резерфордом, до уровня достижений которых едва ли дотягивают результаты хотя бы кого-то из современных ученых. Появление таких групп выдающихся людей обусловлено не более совершенными умственными способностями и образованием конкретной эпохи, а быстрым периодом закваски новорожденных объектов, нуждающихся в симбиозе с другими объектами, чтобы выжить и развиваться. Великим объектом, который мы сейчас обсуждаем, — если не великим в моральном отношении — была куновская VOC, а не сам Кун. Разумеется, у компании в разные моменты ее истории были и другие столь же коварные и безжалостные служащие, как Кун. Этим фигурам не хватало как раз правильного периода неопределенных возможностей, а самой компании без Куна не хватало бы его «Рассуждения» и переходящего в насилие презрения к англо-голландскому перемирию 1619 года. В истории VOC мы не найдем другой личности, которая изменила бы саму реальность компании. Мы ищем в истории «контингентность» не потому, что любое случай-

ное событие может в любой момент изменить ход истории, а из-за чувствительности объекта к возможным симбиозам, играющей главную роль на раннем этапе его существования.

9. БАТАВИЯ, ОСТРОВА ПРЯНОСТЕЙ И МАЛАККА

АРЕНА деятельности VOC была обширна, торговля велась не только на территории нынешней Индонезии, но и достигала Йемена и Ирака на западе и Японии, Тайваня, Филиппин и Камбоджи на востоке. В 1606 году VOC открыла Австралию, а в 1642 году Новую Зеландию и, несомненно, развернула бы интенсивную торговлю и здесь, будь в этих регионах значительные богатства. Очевидно, что не все пункты на карте VOC были одинаково важны. Физическая география всегда была даже менее демократичной, чем история индивидов; никакой эгалитарист не станет настаивать, что все *места* были созданы равными. Древние египтяне были обречены Нилом на величие, англичане своим статусом европейского острова — на морскую мощь и либерализм, а французы и немцы своим расположением в окружении опасных континентальных соперников — на сухопутную, а не морскую доблесть и сильное государственничество. Политические реалисты издавна следовали географической интерпретации истории, а недавно она снова оказалась в центре внимания благодаря популярной книге Джаред Даймонда

«Ружья, микробы и сталь» (Diamond 1999; Даймонд 2010). Однако все перечисленные примеры имеют отношение к *родине* некоторого народа и тем самым к географической подоплеке *рождения* этого народа. Нас же, напротив, интересуют симбиозы компании, уже укоренившейся в Амстердаме до того, как она захватила ключевые места на Востоке.

География Ост-Индии увлекательна и важна, поэтому заслуживает краткого описания. С запада регион ограничивает большой остров Суматра, по форме напоминающий штат Кентукки, но вытянутый, в отличие от него, с северо-запада на юго-восток. Северо-западное окончание Суматры — земли Ачеха, империи, долгое время остававшейся бельмом на глазу европейцев, а западное побережье острова усеяно портами, важными для торговли перцем. Близость Суматры к двум географическим объектам определяет две ключевые стратегические точки региона, важные для любой силы с имперскими претензиями. На востоке Суматра соседствует с Малайским полуостровом, на котором ныне располагаются Таиланд, Малайзия и Сингапур. Узкий водный проход между ними называется Малаккским проливом по имени города, стратегическая важность которого была очевидна для всех сил региона и который подолгу занимали последовательно португальцы, голландцы и англичане. На юго-востоке Суматры находится

гораздо более короткий и узкий Зондский пролив со смертоносным вулканическим островом Кракатау — это другая точка, стратегически важная для торговли между Азией и Европой. По ту сторону залива находится остров Ява, по форме напоминающий Лонг-Айленд. Он тоже протянулся с запада на восток, за ним находится длинный архипелаг, в хвосте которого располагается современный Восточный Тимор. Восточнее Малаккского пролива — остров Калимантан, похожий на раздувшийся Кипр и, подобно Кипру, разделенный на северную (Малайзия и крошечный Бруней) и южную (Индонезия) части. Если продолжать движение на восток, то за Калимантаном находится индонезийский остров Сулавеси (бывший Целебес), до жути напоминающий гуманоидную змею или ящера. В свою очередь, восточнее Сулавеси расположено море Банда с его знаменитыми Островами пряностей, рассеянными между Сулавеси и Новой Гвинеей. Среди Островов пряностей особенно важны в плане торговли Амбон на юге и Молуккские острова на севере. Если двигаться на север от Островов пряностей, можно добраться до Филиппин, Тайваня и Японии. Находящаяся на юге Австралия не имела особого значения для VOC — разве что в качестве места периодических изысканий и кораблекрушений.

Из всех этих исторически примечательных мест три представляли для VOC особый ин-

терес. Первым были Острова пряностей, тогда единственное в мире место, где можно было найти мускатный орех и мацис (его получают из того же растения). Кроме того, эти острова были превосходным источником гвоздики, поэтому эти товары стали предметом монопольной торговли с баснословной наценкой. Даже менее подверженная монополизации гвоздика продавалась в Европе по цене, в 25 раз превышающей закупочную (Burnet 2013, 109). Это превращало данные острова в заветную цель для монополии, которую держала в уме даже докуновская VOC, а также в главный театр жестокости компании. Двумя другими наиболее важными для VOC местами были уже упомянутые проливы вдоль берегов Суматры: Малаккский на севере и Зондский на юге. Поскольку португальцы обосновались в Малакке еще в 1511 году, поначалу голландское присутствие в регионе сосредоточивалось в других точках: на западном окончании Явы около Зондского пролива, а не на севере. Только в 1641 году голландцам удалось захватить и Малакку, связав старые торговые пути, арабский и китайский, в единую сеть (Parthesius 2010, 165).

Можно было бы назвать Амстердам с находившейся там штаб-квартирой компании четвертым ключевым для VOC местом. Но, как уже отмечалось, Амстердам находится у истоков VOC в качестве географического «материнско-

го лона», поэтому играет роль в рождении VOC, но не в дальнейших симбиозах, в которых компания трансформировалась. Связь Амстердама с VOC слишком сильна для того, чтобы этот город обеспечивал уже учрежденной компании возможность *меняться*. Эта идея долгое время была известна в социологии как «сила слабых связей» (Granovetter 1973; Грановеттер 2009). Тесные связи, такие как связи между членами семьи или США и Канадой, являются сильным основанием для финансовой, культурной и даже эмоциональной поддержки, но они настолько комфортны, тесны и привычны, что редко порождают удачные прорывы, многообещающие риски и значительные шаги вперед. Амстердам должен благоволить VOC и определенно может предоставить совет или инструктаж, но удаленная деятельность компании делает ее ответственной за установление собственной констелляции новых связей.

А. Батавия

Из трех упомянутых выше ключевых мест первым, куда приплыли голландцы, был Зондский пролив, а именно Бантен, давно сложившийся торговый центр на северном побережье Явы. Это случилось еще до того, как возникла VOC, во времена так называемых *Voor-Compagnieën*, или «пра-компаний». Голландская экспедиция достигла Бантена в 1596 году под руководством

«высокомерного и несдержанного» Корнелиса де Хаутмана, хамские требования которого подмочили репутацию голландцев в Ост-Индии и который, что неудивительно, был убит во время второго путешествия в этот регион (Burnet 2013, 70). В Бантене голландцы нашли процветающий порт, в котором экономически доминировали китайцы, но также торговали и жили абиссинцы, арабы, бенгальцы, гуджаратцы, уроженцы Островов пряностей и турки. Голландцев беспокоило присутствие в городе португальцев, впрочем, на нем они поставили крест уже в 1601 году — за год до основания VOC — решительной морской атакой.

В 1618 году, после того как англичане предоставили убежище некоторым из португальцев, бежавших от голландской тюрьмы, на улицах Бантена начались стычки голландцев с англичанами. Это убедило Куна, что настало время найти новую столицу для VOC. Рассмотрев ряд вариантов, он направился на восток к молодому принцу Джаякарты, желавшему заключить с голландцами союз, чтобы выйти из подчинения Бантену. Это было расценено как угроза и властями Бантена, и англичанами, поэтому они, действуя по отдельности, попытались положить конец присутствию голландцев в Джаякарте. Как уже упоминалось, это соперничество достигло кульминации в 1619 году, когда сэр Томас Дейл напал на VOC, но не смог организовать преследование и уничтожение фло-

та Куна. Позднее Кун вернулся в Джаякарту и предательски разгромил того самого принца, первоначально пригласившего сюда VOC, а затем переименовал город, дав ему название находившейся здесь крепости компании: «Батавия», древнеримское название Нижних Земель. Пережив упомянутые выше осады, учиненные армией Матарамской империи во время второго срока Куна, Батавия VOC добилась относительной безопасности. Лишь спустя полвека компания получила возможность вернуться и завоевать сам Бантен — после двух лет войны, в 1684 году. В результате «английские, французские и датские [торговые посты] в городе были закрыты» (Vignot 2013, 121), и некогда важный Бантен превратился в протекторат, а власть над Явой сосредоточилась в Батавии.

Б. Острова пряностей

Голландцы захватили Острова пряностей несмотря на то, что прибыли в регион относительно позже других наций. Португальцы давно бредили сказаниями об этих островах и, завоевав в 1511 году Малакку, на следующий год отправились на Тернате. Хотя встречный ветер помешал их кораблям доплыть до этого острова, им посчастливилось вместо него добраться до острова Банда с его экзотическими мускатными деревьями, и вскоре они получили доступ ко всему региону. В итоге они построили кре-

пость на Тернате и организовали прибыльное торговое сообщение с Лиссабоном, но спустя полвека их монополию подточили контрабанда и сложности местной политики. В 1570 году эти сложности привели португальцев к неосмотрительному убийству местного султана Баабуллы, чей сын и тезка пять лет спустя изгнал португальцев, став антиимпериалистическим героем. Даже англичане прибыли в этот регион раньше голландцев — в 1580 году на Тернате объявился не кто иной, как сэр Фрэнсис Дрейк. Переплыв Тихий океан с трюмами, полными награбленного золота и серебра Испанской империи, он уже не мог взять груз пряностей. Тем не менее Дрейк был тепло встречен молодым султаном Баабуллой, взявшим с него слово чести, что тот вернется с английским флотом, чтобы выбить португальцев с близлежащего Тидоре. По разным причинам в ближайшие годы это так и не произошло.

• Голландцы посетили Острова пряностей накануне создания VOC, в 1598 году, под командованием Вибранда ван Вавейка (Burnet 2013, 70-71). Когда они доплыли до Тернате, их приветствовал любознательный султан Саид, сын и наследник уже умершего Баабуллы. Впечатленный пушками голландцев, султан пригласил их принять участие в нападении на португальцев на Тидоре — принять это предложение ван Вавейк был не в состоянии. Но в 1605 году голландцы нарастили свое присутствие на Остро-

вах пряностей, когда на Амбон прибыл первый полноценный флот VOC с приказом окончательно изгнать португальцев. После короткой атаки португальский командующий покончил с собой, а его солдаты сдались VOC. Бёрнет назвал это событие «началом заката Португальской Индии» (Burnet 2013, 98).

Однако если голландцы думали, что попали в свободный от военного присутствия регион, в котором были разве что переживавшие свой закат португальцы, то они ошибались. Свидетелями того, как флот VOC захватил Амбон, стали два английских корабля под командованием Генри Миддлтона. Он решил, что вместо того чтобы высаживаться на Амбоне самому, он отправит один из кораблей на Тернате за гвоздикой, а второй — на архипелаг Банда за мускатным деревом. На Тернате Миддлтон прибыл как в сказке: как раз вовремя, чтобы спасти жизнь не кому иному, как султану Саиду, проигрывавшему в тот момент морское сражение своим соперникам с Тидоре. Благодарный Саид даровал англичанам льготы на Тернате и права на торговлю гвоздикой. Он не забыл об обещании, данном когда-то его отцу сэром Фрэнсисом Дрейком — обещании помочь Тернате выбить португальцев с Тидоре; таким образом, узы союза были восстановлены. Впрочем, голландцы быстро объявились здесь с флотом из пяти кораблей, объявив, что корабли нужны, чтобы по просьбе Саида помочь ему в борь-

бе с португальцами. Саид оказался в щекотливом дипломатическом положении, но нашел умный выход: оставшись в стороне, сравнить друг с другом голландцев, англичан и португальцев. Идея состояла в том, чтобы VOC напала на португальский форт на Тидоре, в то время как остальные стороны бы выжидали. Голландцы уже были на грани поражения, когда их спас взрыв пороха (обычное дело в то время) у португальцев, сравнявший их форт с землей. Теперь, завоевав Амбон и Тидоре, VOC восстановила старый португальский форт на Тернате и заняла его в 1607 году. Компания стала господствующей силой на Островах пряностей. Впрочем, ситуация оставалась неясной на Банда Нейра, а также на островах Ай и Рун, где правили англичане: это были их первые заморские владения, даже король Яков называл себя «королем Англии, Шотландии, Ирландии и Поло Рун» (Bugnet 2013, 104). Голландцы постарались как можно скорее завершить создание монополии. В 1615 году они напали на Ай, и поначалу события развивались успешно, пока их ряды не проредила неожиданная ночная контратака англичан с острова Рун. В 1616 году голландцы вернулись с новыми силами, вырезали защитников острова Ай и переименовали захваченную английскую крепость, назвав ее устрашающе «Форт Ревендж»*. Небольшой английский

* Revenge (англ.) — месть, отплата. — Прим. пер.

отряд храбро удерживал позицию на острове Рун, пока в 1620 году его не вынудили сдать-ся. Позднее, после его отбытия, коренных жителей постигла страшная участь: «голландцы убили или взяли в рабство всех взрослых мужчин, изгнали женщин и детей, а затем срубили все мускатные деревья на острове, оставив после себя голую и необитаемую скалу, возвышавшуюся посреди Моря Банда» (Burnet 2013, 105). Господство VOC на Островах пряностей было закреплено устроенной Куном массовой резней жителей острова Банда Нейра в 1621 году и уничтожением англичан ван Спелтом на Амбоне в 1623 году.

Было и другое препятствие, долгое время мешавшее VOC добиться на Островах пряностей полной монополии: независимость султана Макаassar, расположенного на юго-западе Сулавеси. Известный когда-то как родина любителей свинины и содомитов, к 1655 году Макаassar стал благонадежным аванпостом ислама под управлением султана Хасануддина. Многие португальцы, бежавшие после захвата VOC Малакки в 1641 году, нашли убежище в Макаассаре, где приютили даже священников и реликвии малаккского католичества. Более того, Макаassar был как раз одним из тех портов беспощинной торговли, которые монополистская VOC стремилась уничтожить: «Арабские, китайские, португальские, испанские и английские торговцы были частыми гостями в порту,

поскольку султан Макассара позволял им торговать беспошлинно и в обход голландского контроля» (Burnet 2013, 130). VOC начала блокаду Макассара в 1656 году, а в 1659 году вновь потребовала монополии, на что султан Хасануддин твердо ответил, что Бог создал землю для всех людей, а не только голландцев. В ответ в 1660 году компания напала на город, но захватить его VOC не удавалось вплоть до 1669 года, когда произошла «одна из самых свирепых битв за всю историю [VOC]» (Burnet 2013, 134). Сопrotивлявшийся султан был взят в плен, а VOC, наконец, установила на Островах пряностей тотальную монополию.

Учитывая достигнутый компанией статус монополии и последовавший затем семидесятилетний экономический рост, заманчиво назвать именно 1669 год в Макассаре, а не 1623 год на Амбоне моментом симбиоза с Островами пряностей. Я склонен считать иначе, и тому есть ряд причин. Уничтожение англичан на Амбоне означало устранение европейских сил на Островах пряностей, не считая португальских беглецов, а также английских и испанских торговцев, живших под защитой Хасануддина. Тот факт, что голландцы не предпринимали попыток завоевать Макассар до его блокады в 1656 году, то есть спустя 30 лет после Амбона и 15 лет после захвата Малакки, заставляет предполагать, что это была отложенная операция по зачистке, а не кардинальная трансформация.

Даже ЕИС, судя по всему, уже к 1657 году отдала Острова пряностей на откуп VOC. В этом году губернатор ЕИС сэр Уильям Кокейн предложил продать английское имущество в этом регионе. Его обеспокоенный пессимистичный взгляд на господство голландцев на Востоке испугал даже Оливера Кромвеля, который поспособствовал усилению внимания к Индии и коммерческой реорганизации самой компании (Burnet 2013, 140). Хотя в долгосрочной перспективе оба хода окажутся решающими для Англии, тогда они казались скорее отчаянными попытками спасти то небольшое, что можно было спасти. Итак, противники VOC более или менее уступили голландцам Острова пряностей задолго до завоевания Макассара в 1669 году. Поэтому его захват следует считать продолжением произошедшего в 1623 году симбиоза Островов пряностей и VOC, а не новым поворотным моментом, какие бы огромные экономические выгоды он ни принес.

В. Малакка

В 1557 году португальцы получили от китайцев разрешение обосноваться в Макао — месте, которое они будут удерживать до далекого 1999 года. Поскольку португальцы также контролировали стратегически важную Малакку, они ожидаемо проложили торговый путь из Макао через Малаккский пролив и далее че-

рез Гоа в Лиссабон. Это означало, что голландцы могли оказывать разрушительное влияние, даже не захватывая саму Малакку: достаточно было преследовать или захватывать португальские корабли на подходах к проливу. В 1603 году близ Джохора VOC захватила португальский корабль «Санта-Катарина»: «захваченный груз был продан на аукционе в Амстердаме за 3,5 миллиона гульденов. Эта прибыль всего за день удвоила оплаченный акционерный капитал новообразованной [VOC]» (Burnet 2013, 86). Голландцев, как и англичан после захвата португальских кораблей около Азорских островов, опьянил размер прибыли, а всякое чувство стыда за пиратство легко заглушалось напоминанием, что Нидерланды до сих пор находятся в состоянии войны с Португалией. В 1605 году голландцы совершили еще один выгодный захват португальского судна, на этот раз «Санту-Антониу» недалеко от берегов Таиланда.

Оказавшись в таких условиях, португальцы из Малакки попытались договориться с султаном Джохора, предложив ему военную защиту в обмен на высылку торговцев VOC из его города. Но было слишком поздно: «султан ответил, что он скорее потеряет всю свою страну, чем уступит таким требованиям “врагов ислама”» (Burnet 2013, 87-88). На самом деле это была отсроченная расплата португальцев за то, что в 1511 году Афонсу ди Альбукерки устро-

ил в Малакке гонения на мусульман и другие антирелигиозные провокации. Не желая помогать португальцам, султан Джохора сделал ровно противоположное, заключив союз с голландцами и согласившись разделить с ними добычу после завоевания Малакки. Первая попытка в 1606 году провалилась, флот VOC только каким-то чудом смог избежать уничтожения португальской армадой с острова Гоа. Вторая попытка в 1608 году под руководством Питруса Верхувена тоже закончилась ничем, так как голландцы неудачно приплыли во время Рамадана: мусульманская армия Джохора не хотела воевать во время поста, и неудачливый Верхувен поплыл, сам того не зная, навстречу своей гибели на остров Банда Нейра. Голландцы десятилетиями терроризировали корабли португальцев, часто блокируя Гоа и Шри-Ланку, не говоря уже о самом Малаккском проливе. В 1640 году голландцы напали на Малакку в третий раз под руководством генерал-губернатора VOC Антонио ван Димена. Их флот из 18 кораблей обменялся серией залпов с португальским фортом, не добившись никаких существенных результатов. Но в 1641 году после пятимесячной осады, ослабившей португальцев, голландский командующий приказал атаковать форт с суши, и после храброго сопротивления португальцы сдались. Теперь VOC владела обоими ключевыми проливами региона.

Г. Общие размышления

Выше я представил упрощенную версию многочисленных завоеваний и торговых миссий, приведших к расширению империи VOC. Однако нас интересуют не все действия актора VOC, а только возможные симбиозы, изменившие его реальность. С этой целью три упомянутых места можно ранжировать следующим образом в порядке уменьшения важности: Острова пряностей, Зондский пролив, Малаккский пролив.

Господство над Островами пряностей имело ключевое значение для богатых, но окруженных врагами голландцев, поскольку отсутствие монополии увеличивало цены на пряности на местах и в то же время за счет нежелательной конкуренции снижало их в Европе. Кроме того, контроль над островами позволял VOC добиться господства во внутриазиатской торговле — еще одна цель, поставленная Куном. Но в чем состоит разница между куновской максималистской VOC 1614 года и VOC 1621-1623 годов в симбиозе с Островами пряностей? Поскольку ситуацию 1623 года можно понимать как естественное следствие трактата Куна 1614 года, то победы в борьбе за Острова пряностей можно свести к «инцидентам», то есть таким действиям, значимость которых имматериалистическая теория, в отличие от АСТ и ново-

го материализма, стремится ограничить. Однако 1623 год отличается от многих других столь же ярких дат так же, как фактическое завоевание отличается от стремления завоевать. Максималистская VOC 1623 года отличается от VOC 1614 года внутренним устройством: в военном отношении это переход от оборонной стратегии к атакующим процедурам и операциям по зачистке, а в коммерческом плане это смещение акцента с торговых путей Азия — Европа на Азия — Азия. Ввиду этого 1623 год — не просто продолжение плана 1614 года, а изменение компании как целого.

Что касается двух ключевых проливов региона, то они сыграли противоположные роли в жизни VOC. Поскольку первоначально Малакка находилась в руках португальцев, у VOC не было иного выхода, кроме как обосноваться в Бантене, который тогда был главным торговым центром Явы. В Бантене у компании, разумеется, не было никакой монополии, учитывая преобладавший в этом порту плюралистический подход к торговле. Перемещение в находившуюся в 50 милях Батавию дало VOC простор для деятельности, а осуществленное гораздо позднее завоевание Бантена было скорее экспансией по инерции, чем симбиозом, менявшим природу компании. С Малаккским проливом была обратная история: изначально VOC использовала его больше для нанесения ущерба португальцам, чем для укрепления

собственной власти. Она добилась господства над Ост-Индией, даже не владея этим проливом. Тем не менее захват Малакки в 1641 году можно рассматривать как симбиоз в силу его важности для связывания арабского и китайского торговых путей. Словом, позднее завоевание Бантена свидетельствовало о его упадке, в то время как завоевание Малакки указывало на сохранение ею важности. Интересен такой контрфактический вопрос: что если бы VOC не потерпела неудачу и отбила Малакку у португальцев во время одного из своих нападений в 1606 или 1608 году? Скорее всего, тогда голландцы не основали бы Батавию. VOC сначала базировалась бы в Малаккском проливе, поскольку он давал ей больше возможностей для захвата Макао и создания симбиоза с китайской торговлей, а также увеличивал ее шансы опередить англичан и в Индии. Несмотря на то что эти события изменили бы характер компании, сделав его непохожим на тот, что известен нам из истории, мы все равно узнали бы в ней VOC. Хотя нам остается только спекулировать о таких неслучившихся событиях, само обсуждение контрфактической ситуации напоминает нам о возможной VOC-без-Батавии, по аналогии с Пастером-без-гигиенистов (ср. Latour 1988; Латур 2015), который смог бы найти иной способ воплотить свою программу в жизнь. АСТ не смогла бы работать с этим из-за своего чрезмерного акцента на отношениях

и эффектах, который привел бы к избыточному отождествлению VOC с тем, что с ней *действительно* происходило.



ТЕПЕРЬ мы обратимся к третьему типу существительного, [обозначающего участника] симбиоза: вещи. Пожалуй, наиболее наглядным примером такого симбиоза служит принятие новых судьбоносных технологий, будь то военные колесницы индоевропейцев (Drews 1994), телескоп в исследовательской практике Галилея, машина-дешифратор Тьюринга или американская атомная бомба. Однако симбиоз необязательно означает соединение с технологией, он может также легко случиться с рыбой, заболеванием, суеверием, изменением климата или чем бы то ни было еще. *Вещи*, которые первыми приходят на ум как основополагающие для VOC, — это ценные восточные пряности, циркулировавшие в операциях компании, как кровь циркулирует по телу. Однако, как и в случае с Амстердамом, пряности были важны для *рождения* VOC, а не для последующих симбиозов, поэтому, несмотря на то что их везли из заморских земель, они принадлежат к категории «материнского лона». Пряности породили VOC, но изменяли ее не больше, чем нефть сегодня изменяет Саудовскую Аравию. Напротив, эти вещи — предмет *сильных* свя-

зей, способный в случае своего ослабления или исчезновения привести к гибели своих обладателей: в 1700-х годах в Европе, когда пряности стали менее популярными и менее монополизируемыми, или же во все еще неопределенном будущем, когда саудовская нефть будет исчерпана или окажется никому не нужна.

Одной из ранних проблем VOC было то, что жителей Ост-Индии в большинстве случаев не интересовали товары с севера, которые голландцы могли им предложить, — за исключением драгоценных металлов, но их голландцы предпочитали не вывозить из Европы. Стандартные голландские товары, шерсть и свинец, были бесполезны с точки зрения азиатов. Это стало еще одним фактором в стремлении VOC активнее участвовать во внутриазиатской торговле. Ткани из Индии высоко ценились жителями Островов пряностей и других островов, поэтому VOC наладила торговлю этими товарами на Коромандельском берегу (восточное побережье нынешней Индии) и в Бенгалии, тогда находившейся под контролем Могольской империи. Голландцы часто обменивали эти ткани у жителей Островов пряностей на гвоздику. Сама VOC тоже часто покупала азиатские продукты для собственного употребления: «Вместо деревянных бочек VOC хранила воду и порох на Островах пряностей в *мартабах* (керамические сосуды для хранения), импортируемых из портов Бенгальского зали-

ва» (Parthesius 2010, 53). На внутриазиатском рынке VOC вела торговлю рисом, опиумом, лошадьми и шелком, однако долго не могла распознать потенциал исходно эфиопского товара, известного нам сегодня как кофе и причудливо описанного служащим VOC Питером ван ден Брукке как «*Kahaiwa*, что-то вроде черного боба... из которого [йеменцы] готовят черную воду и пьют ее» (цит. по Parthesius 2010, 46–47). Как и в случае похожих на него своим возбуждающим эффектом шоколада и табака, важность кофе позднее выросла, а случайный симбиоз EIC с чаем стал одной из причин, по которым эта компания обошла VOC в начале XVIII века, когда спрос на чай рос, а на пряности падал.

Хотя товары, необходимые, чтобы господствовать во внутриазиатской торговле, изменили цели и географию VOC, даже еще большее изменение произвел ее симбиоз с новым типом флота, лучше приспособленным для задачи местного господства. Хотя в VOC сразу после ее образования была запрещена практика отпуска прибывших из Европы флотилий до возвращения в Нидерланды, на ранних этапах компания продолжала работать по модели рейсов «туда-обратно» между Европой и Азией. Это требовало больших кораблей, способных противостоять невзгодам путешествия, однако такие массивные суда были крайне неудобны для вхождения в мелководные азиатские порты

и реки. Кроме того, учитывая зависимость обратных рейсов от региональных сезонов муссонов, было бы хорошо иметь многозадачный флот, способный менять вид деятельности в зависимости от обстоятельств. Если бы это удалось сделать — а вскоре это удалось сделать, — то одно и то же судно можно было бы в один месяц использовать для импровизированной торговли, а в другой — как боевой корабль в военных операциях: «к примеру, суда из заблокированного [муссонами] Гоа на обратном пути в Батавию могли бы доставлять перец с Малабарского берега и корицу с Цейлона» (Parthesius 2010, 171). Голландцы прослыли легендарными кораблестроителями еще до основания VOC, и они приспособились к новой ситуации со всей находчивостью, какой только можно было от них ожидать. Более того, VOC всегда старалась по возможности строить корабли, в том числе малые суда, на месте в Азии, а также захватывать подходящие для своих задач португальские и китайские корабли. Все это давало им значительное преимущество перед другими европейскими державами:

Нарастающая сложность торговли и транспортной сети [VOC] между [разными азиатскими] регионами наглядно демонстрирует гибкость компании, позволяющую максимально эффективно использовать корабли и сохранять их на плаву — в противоположность португальцам, кото-

рые часто ставили свои суда на прикол в Макао в ожидании смены сезона (Parthesius 2010, 57).

Репутация хорошо вооруженного флота VOC как безопасного транспорта сделала его еще и излюбленным в Азии перевозчиком денежных средств: «поэтому VOC фактически могла зарабатывать на курсовой разнице между стоимостью золота и серебра и между разными видами монет, перевозя большие количества этих валют» (Parthesius 2010, 57). Забавно, что даже коррумпированные английские чиновники прибегали к услугам VOC, чтобы перевозить свои добытые нечестным путем богатства в Европу.

На первый взгляд, сложно привязать это изменение к конкретному году. Но Роберт Партезиус делает это с некоторой точностью, замечая, что даже после основания Батавии в 1619 году «несколько лет продолжался интересный период, в течение которого VOC намеревалась сосредоточиться на перевозке товаров в Европу и оставить большую часть внутриазиатской торговли местным и частным европейским торговцам, которые привозили бы нужные товары в Батавию» (Parthesius 2010, 31). Это вело к закрытию многих элементов торговой инфраструктуры, напрямую не связанных с европейской торговлей, но такая политика оказалась неудачной, поэтому «около 1625 года VOC вернулась к своему исходному устройству с сетью торговых постов и крепостей, чтобы развивать

сильную внутриазиатскую торговлю» (Parthe-sius 2010, 32).

Все это позволяет выявить еще один аспект, в котором реляционные теории объектов часто неверны: они преувеличивают значимость связей и союзов, устанавливаемых объектами, и пренебрегают изучением того, как симбиоз *защищает* объект от связей и тем самым еще больше укрепляет его автономию. К примеру, теория последовательного эндосимбиоза предполагает, что простая прокариотическая клетка поглотила бактерию, которая при этом выжила, начав питаться веществами внутри этой клетки (Endosymbiosis 2008). Когда позже клетка поделилась, бактерии тоже удалось поделиться, тем самым сохранив свой статус элемента во всех потомках исходной клетки. В 1960-е годы Маргулис предсказала открытие того, что ДНК в клеточном ядре не кодирует некоторые органеллы клетки, что доказывает их независимое происхождение; в 1980-е годы это было доказано. Этот пример показывает нам, что эукариотические клетки были сформированы из множества отдельных сущностей и что со временем новая и более сложная клетка стала зависеть от своих органелл. Но вдобавок к этой очевидной связи новая клетка становится еще и *независимой* от чего-то: от опасной и насыщенной кислородом атмосферы. «Поглощенные бактерии осуществляли окислительный метаболизм, необходимый для выживания исходной клет-

ки-хозяина, которая в противном случае отравилась бы атмосферным кислородом» (Endosymbiosis 2008).

То же самое верно и для VOC. Использование местных азиатских торговых возможностей и строительство флота, лучше приспособленного к внутриазиатской деятельности, не только создало более сильные связи между VOC и чужими азиатскими портами, но и способствовало дальнейшему ослаблению связей с Амстердамом. Заметим, что этот процесс не только служил голландским торговым и военным интересам, но и открывал новые возможности для самих азиатских торговцев, такие как продажа VOC крупных партий керамики и привлечение ее флота для безопасной перевозки драгоценных металлов. Если бы VOC продавала прежде всего товары из Голландии, если бы в ее бизнес-модели преобладали рейсы в оба конца, осуществляемые большими *retourschepen* («возвратными кораблями»), то ее внутриазиатская реальность была бы подавлена. Однако эта сфокусированность на Азии не всегда была полезна из-за нараставшей вовлеченности генерал-губернаторов VOC в войны между яванцами, последовавшие за завоеванием Бантена, — политика, которую амстердамские «Семнадцать господ» обвиняли в неоправданной агрессивности и расточительности (Burnet 2013, 137).



СДЕЛАННОГО нами обзора истории ВОС достаточно, чтобы решиться на некоторые более широкие теоретические утверждения. Но перед этим полезно будет еще раз объяснить, чего, как мне кажется, не хватает в конкурирующей теории, наиболее близкой интересам ООО. Хотя последнюю часто объединяют с новым материализмом, в этой книге я постарался показать, что ООО — решительно антиматериалистическая теория, говорим ли мы о традиционном научном материализме или о недавних социальных конструктивизмах, тоже называющих себя материалистическими. Что еще важнее, в последнем типе материализма есть тенденция отрицать существование отдельных объектов в пользу более первичного вибрирующего континуума, довольно откровенно описываемого Джейн Беннет как «неопределенная движущая сила пульсирующего целого» (Bennett 2012, 226). С моей точки зрения, достоинство АСТ во многом состоит в возврате к отдельным сущностям, противопоставленным пульсирующим или статичным целостностям, и в стремлении дать всем сущностям одинаковую возможность участвовать в ее теории: человеческим и нечеловеческим, природным и культурным, реальным и воображаемым. Благодаря этому

АСТ оказывается на демократических онтологических позициях, которые когда-то занимала феноменология, но уже без свойственного этой школе приписывания излишней важности созерцающему человеческому субъекту. Неудивительно, что столь сильной и гибкой теории следовало штурмом захватить социальные науки!

Однако, будучи большим поклонником АСТ, я все же считаю, что в этой теории есть ряд проблем, и наиболее важные из них — вовсе не те, которые признал сам Латур, заявив свой проект «способов существования» в качестве исправления изъянов АСТ (Latour 2013). Одна из самых часто цитируемых современными философами поэтических строк принадлежит Фридриху Гельдерлину: «где опасность, там и спасение» — нудная мантра нынешних ортодоксальных хайдеггерианцев. Наравне с этой фразой мы должны настаивать на том, что верно и обратное: «где спасение, там и опасность». В случае АСТ, как и многих других теорий, ее сильнейшие интуиции являются и ее крайностями. Следующие пять идей АСТ, по моему мнению, являются одновременно ее самыми большими достоинствами и слабостями.

1. За АСТ: *«Каждая сущность является актором»*

Плоская онтология АСТ позволяет ей избежать нововременной дуалистической онтологии, в ко-

торой все конечные существа неправдоподобно поделены между (а) людьми и (б) всем остальным. Это немалое достижение в эпоху, когда многие из наиболее популярных мыслителей больше, чем когда-либо, очарованы человеческим субъектом: на ум сразу приходят Жак Лакан, Ален Бадью, Славой Жижек и Квентин Мей-ясу. АСТ идет дальше, чем эти авторы, размещая все сущности на одном уровне, а не предполагая заранее, что человеческие существа не только интересны, но и столь радикально отличны от всего остального, что заслуживают собственной, абсолютно иной онтологической категории. Лучше начинать с равного отношения ко всем вещам, чтобы любые различия между ними *вырабатывались* интеллектуально, а не протаскивались контрабандой из XVII века в виде самоочевидных истин. АСТ решает эту задачу даже лучше, чем когда-то решала феноменология.

1. Против АСТ: «Почему действие должно быть свойством, общим для всех сущностей?»

Мы уже рассмотрели мнение Аристотеля, согласно которому не особенно осмысленно говорить, что некто является строителем, только когда строит дом. Человек может строить дом только потому, что является строителем, а не наоборот. Если брать шире, вещь способна на множество действий, и *по этой самой причине* ей не нужно совершать никакого конкретного действия или вообще

отношений, в которых зависимость направлена преимущественно в одну сторону. Это важно, так как понятие невзаимных отношений необходимо не только для работы с часто оправданными жалобами левых на отношения эксплуатации (Bryant 2014, 197–211). Оно также необходимо для описания обусловленных предыдущими решениями отношений, в которых «могущественные» сущности, такие как VOC, теряют гибкость и мобильность из-за сильных связей, названных археологом Иэном Ходдером «хитросплетениями» (Hodder 2012, 2014). Вот простой пример в духе Ходдера: цивилизация антропоцена не может просто так избавиться от одноразовых пластиковых изделий и загрязнения ими Мирового океана, поскольку от них зависит слишком много рабочих мест.

3. За АСТ: «Все отношения симметричны»

Хотя это утверждение может показаться похожим на второй пункт, на самом деле оно является его подмножеством и может быть опознано только с точки зрения ООО. Допустим, отношение является взаимным, если оба актора относятся друг к другу. Тогда мы назовем его не только взаимным, но и *симметричным*, если обе сущности относятся друг к другу одинаковым образом: через взаимодействие их соответствующих качеств.

3. Против АСТ: «Не все отношения симметричны»

ООО отказывается по умолчанию приписывать симметричность всем отношениям, поскольку чувствительна к расколу между объектами и их качествами. Феноменология Гуссерля применила этот принцип, отказавшись от старого представления эмпиризма о том, что объект — это не более чем «пучок качеств». Гуссерль перевернул это философское клише, заявив, что в опыте нам сперва дан объект, и мы продолжаем рассматривать его как тот же самый объект, даже если отдельные его качества меняются от момента к моменту. Симметричное отношение — это такое отношение, в котором качества одного объекта взаимодействуют с качествами другого, в то время как в асимметричном отношении как раз сам объект взаимодействует с качествами другого объекта. Хороший пример — различие между буквальным и метафорическим языками. Возьмем самый частый образ у Гомера: «винноцветное море». Как и все метафоры, это не сильная связь, поскольку ничто в море напрямую не отсылает к вину, не считая той тривиальности, что и то, и другое — темные жидкости. Если бы Гомер сказал «синевато-фиолетовое море» или, хуже, «море, то есть темная жидкость, подобная вину», это были бы точные или сильные буквальные описания, но никак не слабые метафорические. Однако описание моря как «винноцветно-

го» не только приписывает ему цвет и текучесть вина, но и вбрасывает другие, не столь прямо связанные с морем качества вина (опьянение, забвение) в расплывчатое облако вокруг моря-объекта. Разделяемая ими темная текучесть просто предлог, чтобы привлечь менее очевидные винные качества моря. Именно невозможность «дискурсивно» или «концептуально» схватить эту слабую связь делает гомеровскую метафору сильной, чего неспособны обеспечить более точные слова «синевато-фиолетовое море». О том, что метафора — это невзаимное отношение, свидетельствует тот факт, что мы знаем «винноцветное море», а не «морецветное вино», которое было бы совсем другим образом. В этом альтернативном случае вино было бы объектом, который туманно обретает качества, обычно связываемые с морем (мореходность, тайна, приключение, кораблекрушение, чудовища и затонувшие сокровища). Буквальный язык, напротив, обоюден: провести неметафорическое сравнение между двумя объектами — значит выявить качества, разделяемые обоими. Сравнение «Ворон похож на сороку» обладает информационной, а не эстетической ценностью, поскольку сравнение слишком убедительно. «Амстердам — как Венеция» чуть менее точно, хотя сравниваемые в нем объекты достаточно близки, чтобы мы все еще понимали, что передается буквальная информация — скорее всего, о каналах и морской истории. Но «шляпа — как дельфин» уже пере-

бор, и никакого метафорического эффекта не достигает. Нужна «золотая середина», в которой между двумя объектами было бы достаточно тривиального сходства, чтобы актуализировать их менее очевидную перекличку.

4. За АСТ: *«Все отношения одинаково важны»*

Одно из самых больших теоретических преимуществ АСТ — ее способность относиться ко всем действиям как действиям в равной степени. Провозглашающий себя императором в 1804 году Наполеон — это действие, но таковым является и тривиальное капание воска на бумажную тарелку в какой-нибудь бедной комнатке на чердаке. Той же самой равноценностью обладают коронация Наполеона и пара его покашливаний в какой-то незначительный день. Эта равноценность производит лишь исходное уплощение, которое нужно любой философии, чтобы устранить традиционные допущения.

4. Против АСТ: *«Не все отношения одинаково важны»*

Обсуждая симбиоз, мы доказали, что не все отношения равны. В жизни объекта есть тривиальные моменты, а есть моменты симбиоза, в которые трансформируется сама реальность объекта. Свойственная АСТ нечуткость к этому обстоятельству не оставляет ей никакой другой

возможности отличать важные моменты от неважных, кроме как приписывать особое значение шумным внешним воздействиям на среду. Однако в случае симбиоза речь идет о моменте, важном прежде всего для объекта, а не для его среды. В общем, относительная неспособность АСТ различать важные и неважные события лишает ее возможности как-либо прояснить жизненный цикл объекта. Впрочем, в определенном отношении это спорный тезис, поскольку, чрезмерно отождествляя объект с суммой его отношений в любой момент времени, АСТ на самом деле не допускает существования «одного и того же» объекта в течение сколько-нибудь длительного времени. Строго говоря, латуровский актер (как и его предтеча, «актуальная сущность» Уайтхеда) существует лишь мгновение и в следующий момент сменяется похожим, но не тождественным актором.

5. *Ва АСТ: «Мы не можем проводить различия между разными типами сущностей»*

В своем проекте «модусов» Латур впадает обратно в нововременной дуализм человеческое/нечеловеческое, поскольку модусы классифицируются согласно их отношениям к «квази-объектам» и «квазисубъектам» (Latour 2013). Однако плоская онтология, заявленная в «Ирредукциях» (Latour 1988; Латур 2015), требует, чтобы мы относились ко всем вещам как к акто-

рам, не проводя жестких таксономических различий между ними.

5. Против АСТ: «Мы должны отличать друг от друга разные типы сущностей»

В конечном счете любой чего-то стоящей теории требуется что-то знать о различии между людьми, нечеловеками, природными сущностями, культурными сущностями, технологиями, цветами, млекопитающими и т. д. Недавние попытки Латура провести такие различия между разными способами существования дали интересные результаты, но он даже не пытается провести различие между типами акторов. Для АСТ это остается нерешенной проблемой.

Подведем итог. ООО придерживается следующих тезисов: (1) сущности — это частично изъятые [из отношений] объекты, а не просто открытые [для отношений] акторы; (2) отношения между объектами могут быть обоюдными; (3) отношения между объектами могут быть асимметричными; (4) есть различие между важными и неважными отношениями объекта; (5) одна из задач философии — поиск нового способа классификации разных типов или семей объектов. Перед тем, как попробовать вывести их этих пяти пунктов некоторые принципы, необходимо кое-что еще сказать о компании, управлявшей Ост-Индией из Амстердама.



12. РОЖДЕНИЕ, ЗРЕЛОСТЬ, УПАДОК И ГИБЕЛЬ

ВЫШЕ мы пришли к выводу, что среди бесчисленных драматических событий истории VOC было всего пять симбиозов, в которые компания вступила и которые преобразили ее реальность. Вот они.

- 1614. «Рассуждение о состоянии Ост-Индии» Куна.
- 1619. Основание Батавии, столицы VOC.
- 1623. Резня на Амбоне и последующее обретение господства над Островами пряностей.
- 1625. Переориентация VOC на внутриазиатскую торговлю.
- 1641. Завоевание занятой португальцами Малакки связывает воедино арабский и китайский торговые пути.

Выявив эти моменты симбиоза в жизни VOC, мы должны попытаться определить моменты ее рождения, подъема, упадка и, наконец, гибели, чтобы выяснить, что делает эти моменты такими разными по своей структуре.

Рождение VOC — само по себе интригующее событие. В 1580 году король Испании Филипп

предъявил права на пустующий португальский трон. После этого две страны объединились и оставались объединенными до 1668 года, хотя при этом их заморские владения были разделены. В 1581 году голландцы восстали против правления испанских Габсбургов и создали независимую Республику Соединенных Провинций Нидерландов под управлением Оранской династии. Поскольку теперь Нидерланды и объединенная иберийская страна находились в состоянии войны, голландским кораблям запрещено было заходить в порт Лиссабона. Это сильно ослабило торговлю в Амстердаме и Антверпене, процветавших благодаря искусному голландскому мореходству, обширным торговым сетям в северной Европе и доступности португальских портов. Если голландцы хотели продолжать прибыльную торговлю пряностями, в новых опасных условиях им ничего не оставалось, кроме как делать все самим. Толчком к этому послужила публикация в 1592 году «Путеводителя» (*Itinerario*) Яна Гюйгена ван Линсхотена. Работавший на португальцев в столице острова Гоа в течение одиннадцати лет, ван Линсхотен так и не отважился побывать нигде за пределами этого города, но старательно собирал всю информацию обо всех населенных пунктах восточнее. Наряду с подробными описаниями флоры и географии Ост-Индии, в своей книге он поделился навигационными и коммерческими секретами, тайно скопированными с португаль-

ских записей на Гоа, а также дал «откровенное описание португальцев, их жадности, разрозненности и неорганизованности», тем самым «развенчав миф о неуязвимости португальцев в этом регионе» (Burnet 2013, 69). Всего через год группа голландских торговцев подготовила карту Ост-Индии, а злосчастному Корнелису де Хаутману каким-то образом удалось совершить разведывательное путешествие в Лиссабон. В 1595 году он был назначен руководителем первой голландской миссии в Бантен и прибыл туда на следующий год. Затем голландцы предприняли ряд отдельных путешествий в этот регион, пока не стало ясно, что разные экспедиции мешали друг другу, сбивая цены на рынке. Было принято решение принудить всех голландских торговцев в ост-индском регионе работать через единую компанию, хотя поначалу этот план встретил сопротивление со стороны ряда голландских провинций, или «Палат», ревниво оберегавших свою независимость. Их нежелание учли в 1602 году, когда была учреждена VOC с управляющим органом, названным «Семнадцать господ»: восемь торговцев представляли Амстердам, четверо были из Мидделбурга и по одному из Делфта, Энкхёйзена, Хорна и Роттердама. Семнадцатый член по очереди представлял остальные города, кроме Амстердама, чтобы не допустить автоматического перевеса представителей этой могущественной метрополии. Первый объединенный флот VOC

отправился в путь в декабре 1603 года, и, как мы уже знаем, в 1605 году захватил португальский форт на Амбоне.

Теперь рассмотрим созревание VOC. Ранее я утверждал, что VOC в качестве объекта достигла зрелой формы в 1641 году со взятием Малакки. Потом были еще некоторые шаги финансового и военного характера, но их можно рассматривать как часть экспансии компании, а не как дальнейшие симбиозы. Первым шагом было завоевание Макассара в 1669 году, расширившее монополию VOC над Островами пряностей по сравнению с 1623 годом: «В следующие семьдесят лет [после завоевания Макассара] [VOC] непрерывно приносила своим акционерам прибыль и стала самой могущественной торговой компанией, которую когда-либо видел мир» (Burnet 2013, 136). Но, как сообщает Бёрнет, в период между 1670 и 1700 годами совокупная рыночная доля гвоздики и изысканных пряностей среди всех ввозимых продуктов в Амстердаме упала с 59% до 35% — тревожный знак, учитывая, что специи были монопольной специализацией VOC. Тем временем доля индийских тканей за тот же период выросла с 29% до 44%, причем на индийских продуктах специализировалась Англия, а не VOC. Одновременно «доля чая и кофе [выросла] почти с нуля до 25[%]» (Burnet 2013, 136) — еще один хороший знак для англичан, особенно в том, что касается чая, ведь для них Китай был доступнее,

чем для конкурентов. Другие коммерческие угрозы благополучию VOC исходили из западного полушария:

Овощи из Нового Света, такие как кукуруза, картофель, томаты и перцы чили, разнообразили диету людей. Еще одной трудностью была конкуренция со стороны новых поставщиков гвоздики и мускатного ореха. Эти растения были контрабандой вывезены из Ост-Индии Пьером Пуавром и поставлялись на рынок французскими колониями (Burnet 2013, 136).

Упадок VOC был не за горами. С началом нового века положение постепенно ухудшалось: «голландские войны с Францией увеличили национальный долг, и [Нидерландская] Республика допустила обветшание своих флотилий, так что к 1720 году Англия сменила Нидерланды в качестве господствующей в мире морской силы» (Burnet 2013, 137). Немедленного развала VOC не произошло, но в этот период она уже не была жаждущей экспансии компанией и просто пыталась удержать то, что имела. Нападение VOC на англичан в Калькутте в 1759 году было из рук вон плохо спланировано и осуществлено. Нападавшие потерпели такое разгромное поражение от армии полковника Фрэнсиса Форда, что «лишь шестнадцать европейцам [из 700] удалось остаться в живых и добраться до голландского [торгового поста] в Чинсуре»

(Burnet 2013, 145). И все же в этот период компании удалось добиться некоторых успехов, что часто бывает с объектами, даже если они находятся в упадке. В 1722 году была заключена монопольная сделка по олову с бугисами, теперь контролировавшими Джохор с городом Танджунгпинанг близ современного Сингапура, главным портом региона. У VOC даже был удачный год, но уже только 1784-й. Обманом лишив Раджу Хаджи с островов Риау законной доли опиума, совместно награбленного у англичан, VOC пошла во все тяжкие и попыталась нанести по нему упреждающий удар. Это закончилось катастрофой, флагманский корабль VOC был уничтожен еще одним взрывом пороха. Вслед за этим Раджа Хаджи атаковал и окружил Малакку, на самом деле принадлежавшую голландским военно-морским силам (!), а не VOC. Голландцы в ответ высадили солдат недалеко от нападавших, захватили их крепость и убили Раджу Хаджи. После этого они направились к Танджунгпинангу, где уничтожили превосходящие числом силы бугисов. В результате голландцы получили крепость в Риау. Тем не менее тот факт, что выживание VOC в важной азиатской схватке зависело от голландских военно-морских сил, был зловещим знаком разрушения самой компании.

Конец наступил быстро. Голландцы оказались втянуты в Американскую революцию, сразу вслед за Францией признав независи-

мость тринадцати колоний. В результате Англия устроила блокаду нидерландских портов, которая продлилась с 1780 по 1784 год и нанесла стране тяжелый экономический ущерб. В начале этого периода «[в 1781 году] VOC созвала “чрезвычайное” собрание ... Финансовая состоятельность компании оказалась в опасности, потому что Палата города Хорн была не в состоянии выплатить задолженности» (Burnet 2013, 138). Голландское правительство отказалось предоставить VOC финансовую помощь, а Палата Хорна не выплатила долг, нанеся ущерб финансовой состоятельности VOC. Кроме того, в жизнь компании вмешался подъем Франции: в 1794 году Наполеон вторгся в Нидерланды и на следующий год разогнал правительство, а двенадцать лет спустя французский флаг был поднят над Батавией. Растущая Англия начала отбирать владения VOC, в 1795 году была захвачена Малакка, в 1796 году — Амбон. Тем временем компания оказалась банкротом и была национализирована, превратившись в органеллу голландских колониальных властей. В последующие десятилетия Батавия, Малакка и Амбон еще несколько раз после войн и перемирий сменяют своих европейских хозяев, но VOC уже перестанет существовать, и никому будет возвращать свои бывшие владения.



13. ПЯТНАДЦАТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛ МЕТОДА ОБЪЕКТНО- ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ

ДЛЯ полной демонстрации применения метода ООО потребовалась бы более объемная книга. Тем не менее к настоящему моменту мы знаем достаточно, чтобы подвести итог, выписав пятнадцать предварительных правил метода, в значительной степени выведенных из обсуждения Голландской Ост-Индской компании.

Правило 1: Объекты, а не акторы

Вещи существуют до своей активности, а не создаются ею. VOC является VOC не потому, что завоевывает Острова пряностей. Она завоевывает Острова пряностей, потому что является VOC. Военные действия на островах Амбон, Тернате, Тидоре, Ай и Рун — не изолированные случайные события, собранные вместе поименованной псевдосубстанцией. Они имеют смысл только для существовавшей до них сущности, которая была концептуализирована как монополия сначала в границах Нидерландов, затем за их пределами в ущерб другим европейским

силам и, наконец, расширилась до торговли внутри Азии.

Правило 2: Имматериализм, а не материализм

В обеих своих формах, классической и современной, материализм — это программа «перехода напрямик к самой сути» и подмены объектов их составом или их собственными внешними эффектами. Однако мы видели, что объекты зачастую превосходят свои составные части и даже могут, добровольно или нет, воздерживаться от каких-либо действий. Если бы Кун был убит в битве с флотом Дейла при Джаккарте в 1619 году, куновская VOC, вероятно, погибла бы уже в юности. Несмотря на то, что сейчас VOC существует только в текстах и не имеет никакого внешнего исторического влияния, она не исчезает в провалах небытия. Хоть история и безжалостна к потерпевшим неудачу объектам, онтология должна взять на себя утверждение их реальности.

Правило 3: Объект больше известен своими не-отношениями, чем своими отношениями

Если АСТ склонна считать не включенные в отношения объекты изолированными неудачами, то в имматериализме этапы [жизни] объекта — это прежде всего шаги к автономии, а не к взаимосвязанности. VOC — особенно

хороший пример, так как в ее истории нет попыток Амстердама обуздать ее — они могли бы иметь место, если бы электронные средства коммуникации каким-то образом изобрели в XVII или XVIII веке. Вместо этого мы видим движение VOC ко все большей автономии, по крайней мере до тех пор, пока голландским военно-морским силам не пришлось спасать компанию от нападения бугисов на Малакку.

Правило 4: Объект лучше познается по его непосредственным неудачам, чем по его успехам

Если АСТ предлагает искать союзы, делающие актора сильнее, то имматериализм считает, что зачастую более важны слабости объекта. Я говорю о «непосредственных» неудачах, потому что было бы абсурдно упрекать VOC, скажем, в том, что ее служащие не высадились первыми на Луне. Между гибелью VOC в 1795 году и успешной миссией «Аполлон-11» в 1969 году лежит слишком много промежуточных объектов. Вместо этого следует искать ближайшие неудачи, которые не были неизбежным исходом. Вполне можно представить себе, что однажды VOC смогла бы одержать верх над Японией или Китаем — хотя эти противники были слишком уж сильными — и так же можно представить, что она могла бы одержать победы в Калькутте и Макао — двух местах, где она потерпела сокрушительные военные поражения. Эти не-

удачи проливают свет на неизменный разрыв между принципом неограниченного экспансионизма VOC и факторами, ограничивающими ее бесконечное расширение. Они также порождают «призрачные» объекты, дающие пищу для беспрестанных контрфактических спекуляций, не все из которых бесполезны.

Правило 5: Чтобы понять социальные объекты, нужно искать их симбиозы

Первым симбиозом VOC был как раз симбиоз, который мы еще не обсуждали. В начале истории компании, когда расходы и проблемы в Ост-Индии возросли, «Семнадцать господ» совершили важный шаг, учредив в Бантене Совет Ост-Индии, возглавляемый новым должностным лицом, генерал-губернатором. Первый генерал-губернатор, Питер Бот, приступил к работе в 1610 году; печально известный Кун был четвертым и шестым по счету генерал-губернатором. Создание этой должности заслуживает того, чтобы рассматриваться в качестве еще одного симбиоза, поскольку оно увеличило независимость VOC от своей голландской родины, создав условия для полноценного бунта Куна против перемирия с EIC. Таким образом, надо добавить 1610 год к нашему списку: 1614 («Рассуждение» Куна), 1619 (Батавия), 1623 (Амбон), 1625 (флот для внутриазиатской торговли), 1641 (Малакка), и мы получаем как раз

полдюжины, хотя в других случаях это число может варьироваться.

*Правило 6: В жизни объекта симбиозы
происходят относительно рано*

Многие социальные объекты погибают быстро, что почти произошло с куновской VOC в 1619 году. Для тех же, что выживают, период роста относительно недолог, даже если срок существования будет продолжительным. Шесть симбиозов из приведенного выше списка произошли в первые четыре десятилетия существования VOC. Симбиозы будут стремиться сделать объект достаточно зависимым от предыдущих решений, чтобы сократить пространство возможностей. После 1641 года VOC столь сильно привязана к торговле, требующей монополии на определенные пряности, столь ограничена акционерами, ожидающими бесперебойной выплаты дивидендов, и настолько окружена врагами и конкурентами, что радикальное изменение ее бизнес-модели уже невозможно. Таким образом, уже намечается конец VOC, хотя впереди ее еще ждут десятилетия роста доходов и новых побед.

*Правило 7: После того, как характер объекта
сложился, симбиоз уже не бесконечно гибок*

У каждого социального объекта есть точка невозврата, после которой спектр его возможных

направлений действий резко сужается. Я склонен рассматривать 1623 год как точку невозврата для VOC. После уничтожения англичан в Амбоне компания уже не может отступить от своей максималистской программы; теперь она придерживается стратегии агрессивной монополии и противостоит как европейцам, так и азиатам.

Правило 8: Симбиозы — это слабые связи, которые, созревая, становятся сильными

Первые сильные связи объекта — это связи, существующие с момента его рождения. Вот почему Амстердам, экзотические пряности и мореходное искусство голландцев — части изначального «материнского лона» VOC, а не факторы его дальнейшего развития. В то же время исходно слабые связи с Батавией, индийскими тканями и планами создания внутриазиатского флота способствуют созданию симбиозов. Законы эффективности требуют, чтобы мы формировали все более тесные связи с нашими органеллами. То, что начинается как экспериментальный и авантюрный симбиоз, заканчивается узлами сверхзависимости, ставящими под угрозу саму жизнь объекта. Сильная связь VOC с Островами пряностей становится бременем зависимости от предыдущих решений, которое подкашивает VOC, как только спрос на пряности падает или их начинают продавать французские карибские колонии.

Правило 9: Симбиозы не обоюдны

Наш парадигмальный пример обоюдного взаимодействия позаимствован из одного из законов Ньютона, утверждающего, что «для каждого действия есть равное и противоположное ему противодействие». Симбиоз не таков. Один объект может формировать связи с другим без того, чтобы последний формировал какую-либо связь с первым. Например, связь астронома с галактикой Андромеды, которая находится в миллионах световых лет от Земли и не может иметь никакого действительно отношения к *Homo sapiens*. В других случаях, как, например, в случае отношения ВОС к культуре островов Банда, последняя претерпевает не симбиоз, а скорее прямое уничтожение более сильным объектом. Два объекта могут одновременно находиться в отношениях симбиоза друг с другом — например, ВОС с Куном и Кун с ВОС — но это, тем не менее, разные симбиозы. «Винноцветное море» — это не «морецветное вино», даже если бы Гомер использовал обе метафоры в одной строфе.

Правило 10: Симбиозы асимметричны

Симметричными являются отношения, в которых объекты соединены общими качествами или интересами. Возьмем, например, формирование «Большой семерки» (G7) рядом

богатых и могущественных демократий в 1976 году: Великобританией, Францией, Западной Германией, Италией, Японией, США и Канадой. Очевидно, что между этими странами есть сильная связь, как и между 28 странами Европейского союза. Часто сетуют, что такие сущности как источники изменения бесплодны, но в том все и дело: связи умышленно сильны, чтобы породить стабильность, а не перемены. То же самое я бы сказал и о 193 членах нынешней Организации Объединенных Наций. Можно предположить, что у столь разных стран недостаточно общего, чтобы образовать полезную организацию, однако правда в том, что связи между ними *слишком* сильны на основании наименьшего общего знаменателя, суверенитета. ООН по своему замыслу — стабилизирующая организация. Более асимметричное отношение можно наблюдать в случае расширения группы G7 в 1998 году за счет включения в нее России. Относительная слабость России в то время позволила, несмотря на ее заметно отличные интересы и качества, включить ее в группу без особого беспокойства. Но из-за выросшего благодаря ценам на нефть уровня жизни и более жесткой политики Владимира Путина эти отличия проявились в Грузии и Украине. Это привело к асимметрии, включение которой никогда не входило в замысел не-симбиотической G7, и последующей приостановке членства России.

*Правило 11: Объекты как события — это эхо
объектов как объектов*

Несколько лет назад мне довелось посмотреть документальный фильм о революции в области персональных компьютеров, совершенной *Apple* и *Microsoft*. Один из собеседников в фильме сделал, казалось бы, невинное замечание об американской популярной культуре: «Следует помнить, что 1960-е на самом деле произошли в 1970-е». Идея этого замечания в том, что объект «даже в большей степени» существует на этапе, следующем за его первоначальным расцветом. Курение марихуаны, свободная любовь и внутреннее насилие волнующих 1960-х годов в Америке в некоторых отношениях даже более полно воплотились в 1970-х с их кэмпом и безвкусицей. Максималистская ВОС существует уже в трактате Куна 1614 года, но, по-видимому, «даже в большей степени» она существует десятилетием позже, когда Острова пряностей насильственно подчиняются ее власти. Можно сказать так: «Следует помнить, что куновский трактат 1614 года на самом деле произошел в 1623 году».

*Правило 12: Рождение объекта взаимно
и симметрично*

Согласно Правилу 10, буквальная группа, основанная на общих интересах, такая как G7, это

не авантюрный симбиоз, а стабилизирующий механизм. Исходя из этого становится ясно, что рождение VOC было не симбиозом разных Палат, а вынужденным буквальным компромиссом, основанным на общих интересах Амстердама, Делфта, Энкхёйзена, Хорна, Мидделбурга и Роттердама. Все они были морскими городами, говорили на одном языке и были заинтересованы в высоких ценах на свои товары. Все подчинялись одним и тем же законам, хотя превосходство сил Амстердама и Мидделбурга вело к тому, что эти города получали больше представителей в совете «Семнадцати господ». Рождение объекта означает меньшую автономию в обмен на более высокую дееспособность, в то время как симбиоз означает больше автономии в обмен на более высокие риски и, возможно, даже более крупное вознаграждение. Рождение социального объекта ведомо духом преимущества, а не приключения, для симбиоза же верно обратное.

*Правило 13: Причина гибели объекта —
чрезмерная сила его связей*

VOC распалась не из-за слабости своих связей с Малаккой, Амбоном, Батавией, мускатным орехом или мацисом, а из-за излишней силы этих связей. Сильные связи — это зависимость, и когда одна из этих связей неожиданно ослабевает, это ведет к разрушению: так было

с падением прибылей от торговли пряностями в 1700-е годы или со все большей уязвимостью Малакки и последующей зависимостью VOC от голландских военно-морских сил в обеспечении безопасности.

Правило 14: Объект созревает благодаря экспансии своих симбиозов

На востоке региона симбиозы VOC были завершены в 1623 году с захватом Амбона. Отложенное завоевание Макассара в 1669 году было экспансией симбиоза 1623 года, а не новым симбиозом, учитывая, что после 1623 года право компании на владение Островами пряностей по большому счету не оспаривалось. Когда симбиозы объекта завершены — обычно в течение нескольких десятилетий после его рождения, — он может расширяться, приходить в упадок или умирать, но не начинать новый этап.

Правило 15: Объект приходит в упадок в результате буквализации его симбиозов

В искусстве или философии речь идет об упадке, когда туманные новаторские решения, предложенные успешным течением, сводятся к четким формулам, которые может использовать кто угодно. Вспомним репрезентативное «академическое искусство», господствовавшее в Париже, когда Пикассо и Матисс еще были малоизвест-

ными молодыми художниками, вызывавшими разве что насмешки. Или скучную живопись позднего абстрактного экспрессионизма в начале 1960-х годов в Нью-Йорке, или банальный кубизм, доступный сегодня любому художнику-любителю. Можно еще вспомнить последние годы немецкого идеализма, феноменологии, деконструкции или любого философского течения, достигшего своего пика. Авторы пытаются «звучать» как Гуссерль, Деррида или Делёз, подражая их вербальным и концептуальным манерам, но уже вне контакта с опасностями, которым противостояли эти мыслители. Это звук упадка. Отсюда становится ясно, почему нужно непрерывное новаторство: не как пустая игра моды, в которой тонет постижение вечной истины (согласно консерваторам), и не как нескончаемое производство новых товаров, чью кровь высасывает вампирический капитализм (согласно левым). Оно нужно, потому что любой объект в конце концов превращается в карикатуру на самого себя: легко осваиваемое буквальное содержание, которому легко подражать.

Таков краткий список первых принципов объектно-ориентированной социальной теории, которую я назвал «имматериализмом» из-за обреченности любой формы материализма на воспроизводство стратегии двойного срыва.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель (1975) «Метафизика», в: Аристотель, *Сочинения*. В 4-х т. Т. 1. Москва: Мысль.
- Грановеттер, Марк (2009) «Сила слабых связей», *Экономическая социология*. Т. 10. № 4.
- Даймонд, Дж. (2010) *Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ*. Москва: АСТ.
- Деланда, Мануэль (2017) *Новая философия общества*. Пермь: Гиле Пресс.
- Дионисий Ареопагит (2002) «О божественных именах», в: Дионисий Ареопагит, *Сочинения*. Максим Исповедник. *Толкования*. Санкт-Петербург: Алетейя; Издательство Олега Абышко.
- Кант, Иммануил (1992) «Критика чистого разума», в: Кант, Иммануил. *Собрание сочинений в восьми томах*. Т. 3. Москва: ЧОРО.
- Кнорр-Цетина, Карин (2002) Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 5. № 1.
- Латур, Бруно (2006а) *Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.
- Латур, Бруно (2006б) Об интеробъективности // *Социология вещей* / под ред. В.С. Вахштайна. Москва: Территория будущего.
- Латур, Бруно (2014) Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? // *Логос*. №4 (100).
- Латур, Бруно (2015) *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Латур, Бруно (2017) АСТ: вопрос об отзыве // *Логос*. №1.
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1982) «Монадология», в: Лейбниц, Готфрид Вильгельм *Сочинения*. В 4-х т. Т. 1. Москва: Мысль.

- Ло, Джон (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Мейясу, Квентин (2015) *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый.
- Мол, Аннмари (2017) *Множественное тело: Онтология в медицинской практике*. Пермь: Гиле Пресс.
- Гард, Габриель (2016) *Монадология и социология*. Пермь: Гиле Пресс.
- Харман, Грэм (2015) *Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Гиле Пресс.
- Aristotle (1999) *Metaphysics*, trans. J. Sachs. Santa Fe, NM: Green Lion Press.
- Badiou, Alain (2006) *Being and Event*, trans. O. Feltham. London: Continuum.
- Barad, Karen (2007) *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, NC: Duke University Press.
- Bennett, Jane (2012) "Systems and Things: A Response to Graham Harman and Timothy Morton," *New Literary History* 43(2), 225–33.
- Brooks, Cleanth (1947) *The Well Wrought Urn: Studies in the Structure of Poetry*. Orlando, FL: Harcourt, Brace & Co.
- Brown, Stephen R. (2009) *Merchant Kings: When Companies Ruled the World: 1600–1900*. New York: Thomas Dunne Books.
- Bryant, Levi R. (2011) "The Ontic Principle," in Levi R. Bryant, Nick Srnicek, and Graham Harman (eds), *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press, pp. 261–78.
- Bryant, Levi R. (2014) *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Burnet, Ian (2013) *East Indies: The 200 Year Struggle between the Portuguese Crown, the Dutch East India Company and the English East India Company for Supremacy in the Eastern Seas*. Kenthurst, Australia: Rosenberg Publishing.
- Clulow, Adam (2014) *The Company and the Shogun: The Dutch Encounter with Tokugawa Japan*. New York: Columbia University Press.

- Coole, Diana and Samantha Frost (eds) (2010) *New Materialism: Ontology, Agency, and Politics*. Durham, NC: Duke University Press.
- DeLanda, Manuel (2006) *A New Philosophy of Society*. London: Continuum.
- Deleuze, Gilles and Claire Parnet (2002) *Dialogues II*, trans. B. Habberjam, E. R. Albert, and H. Tomlinson. New York: Columbia University Press.
- Diamond, Jared (1999) *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: Norton.
- Drews, Robert (1994) *The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Eldredge, Niles and Stephen Jay Gould (1972) "Punctuated Equilibria: An Alternative to Phyletic Gradualism," in Thomas J. M. Scopf (ed.), *Models in Paleobiology*. New York: Doubleday, pp. 82–115.
- Endosymbiosis (2008) "Endosymbiosis: Serial Endosymbiosis Theory (SET)," blog post. Available at: <http://endosymbionts.blogspot.com/2006/12/serial-endosymbiosistheory-set.html>
- Granovetter, Mark S. (1973) "The Strength of Weak Ties," *American Journal of Sociology* 87(6), 1360–80.
- Harman, Graham (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press.
- Harman, Graham (2010a) *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures*. Winchester, UK: Zero Books
- Harman, Graham (2010b) "Time, Space, Essence, and Eidos: A New Theory of Causation," *Cosmos and History* 6(1), 1–17.
- Harman, Graham (2011) *The Quadruple Object*. Winchester, UK: Zero Books.
- Harman, Graham (2012a) "On the Supposed Societies of Chemicals, Atoms, and Stars in Gabriel Tarde," in Godofredo Pereira (ed.), *Savage Objects*. Lisbon: INCM, pp. 33–43.
- Harman, Graham (2012b) *The Third Table/Der dritte Tisch*, Documenta (13) Notebooks series, ed. K. Sauerländer, German version trans. B. Hess. Ostfildern, Germany: Hatje Cantz Verlag.
- Harman, Graham (2013) "Undermining, Overmining, and

- Duoming: A Critique," in J. Sutela (ed.), *ADD Metaphysics*. Aalto, Finland: Aalto University Design Research Laboratory, pp. 40–51.
- Harman, Graham (2014a) *Bruno Latour: Reassembling the Political*. London: Pluto Press.
- Harman, Graham (2014b) "Conclusions: Assemblage Theory and its Future," in Michele Acuto and Simon Curtis (eds), *Reassembling International Theory: Assemblage Thinking and International Relations*. London: Palgrave Macmillan, pp. 118–31.
- Harvey, Penny, Eleanor Conlin Casella, Gillian Evans, Hannah Knox, Christine McLean, Elizabeth B. Silva, Nicholas Thoburn, and Kath Woodward (eds) (2013) *Objects and Materials: A Routledge Companion*. London: Routledge.
- Hodder, Ian (2012) *Entangled: An Archaeology of the Relationship Between Humans and Things*. Oxford: Wiley.
- Hodder, Ian (2014) "The Entanglements of Humans and Things: A Long-Term View," *New Literary History* 45, 19–36.
- Johnston, Adrian (2013) "Points of Forced Freedom: Eleven (More) Theses on Materialism," *Speculations* IV, 91–8.
- Kant, Immanuel (2003) *Critique of Pure Reason*, trans. N. K. Smith. New York: Palgrave Macmillan.
- Knorr Cetina, Karin (1997) "Sociality with Objects: Social Relations in Postsocial Knowledge Societies," *Theory, Culture & Society* 14(4), 1–30.
- Latour, Bruno (1988) *The Pasteurization of France*, trans. A. Sheridan and J. Law. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour, Bruno (1993) *We Have Never Been Modern*, trans. C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour, Bruno (1996) "On Interobjectivity," trans. G. Bowker, *Mind, Culture, and Activity: An International Journal* 3(4), 228–45.
- Latour, Bruno (1999a) "On Recalling ANT," in John Law and John Hassard (eds), *Actor Network Theory and After*. London: Wiley-Blackwell.
- Latour, Bruno (1999b) *Pandora's Hope: Essays in the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Latour, Bruno (2007) "Can We Get Our Materialism Back, Please?," *Isis* 98, 138–42.
- Latour, Bruno (2013) *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*, trans. C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour, Bruno and Steve Woolgar (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Law, John (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*. New York: Routledge.
- Leibniz, G. W. (1989) "Monadology," in *Philosophical Essays*, trans. R. Ariew and D. Garber. Indianapolis, IN: Hackett.
- Margulis, Lynn (1999) *Symbiotic Planet: A New Look at Evolution*. New York: Basic Books.
- Marres, Noortje (2005) "No Issue, No Public: Democratic Deficits After the Displacement of Politics," PhD dissertation, University of Amsterdam, The Netherlands. Available at: <http://dare.uva.nl/record/165542>
- Meillassoux, Quentin (2008) *After Finitude: Essay on the Necessity of Contingency*, trans. R. Brassier. London: Continuum.
- Meillassoux, Quentin (2012) "Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign" (a.k.a. "The Berlin Lecture"), trans. R. Mackay, unpublished manuscript. Available at: https://cdn.shopify.com/s/files/1/0069/6232/files/Meillassoux_Workshop_Berlin.pdf
- Mol, Annemarie (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham, NC: Duke University Press.
- Mol, Annemarie and John Law (1994) "Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology," *Social Studies of Science* 24(4), 641–71.
- Parthesius, Robert (2010) *Dutch Ships in Tropical Waters: The Development of the Dutch East India Company (VOC) Shipping Network in Asia: 1595–1660*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Pseudo-Dionysius (1987) *Pseudo-Dionysius: The Complete Works*, ed. by Colm Lubheid. Mahwah, NJ: Paulist Press.
- Rhodes, Richard (1986) *The Making of the Atomic Bomb*. New York: Simon and Schuster.

- Sagan, Lynn (1967) "On the Origin of Mitosing Cells," *Journal of Theoretical Biology* 14(3), 225-74.
- Stengers, Isabelle (2010) *Cosmopolitics I*, trans. R. Bononno. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Tarde, Gabriel (2012) *Monadology and Sociology*, trans. T. Lorenc. Melbourne: re.press.
- Willis, John E. Jr. (2005) *Pepper, Guns, and Parleys: The Dutch East India Company and China: 1662-1681*. Los Angeles, CA: Figueroa Press.
- Zubiri, Xavier (1980) *On Essence*, trans. A. R. Caponigri. Washington, DC: Catholic University of America Press.

Научное издание

Грэм Харман
ИММАТЕРИАЛИЗМ
Объекты и социальная теория

Главный редактор издательства **ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ**
Научный редактор издательства **АРТЕМ СМИРНОВ**
Выпускающий редактор **ЕЛЕНА ПОПОВА**
Редактор, корректор **КСЕНИЯ ЗАМАНСКАЯ**
Дизайн серии **СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА**
Верстка **АНАСТАСИИ МВЕРСОН**

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1



Подписано в печать 30.10.2017. Тираж 1000 экз.

Заказ № 7556

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59



Грэм Харман — профессор философии в Американском университете в Каире и Институте архитектуры Южной Калифорнии, создатель объектно-ориентированной философии. Автор 15 книг, в том числе «Государь сетей: Бруно Латур и метафизика» (2009), «О спекулятивном реализме: эссе и лекции» (2010), «Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера» (2011, рус. пер. 2015), «Странный реализм: Лавкрафт и философия» (2012), «Восстание реализма» (в соавторстве с Мануэлем Деландом, 2017).

Лучшее на данный момент введение в объектно-ориентированную онтологию, сочетающее стилистическую ясность с ученой убедительностью. Приводя веские аргументы, Харман показывает, почему объекты имеют решающее значение для социальной теории.
Бьёрнар Ольсен, Арктический университет Норвегии

«Имматериализм» предъясняет замечательные решения многих проблем, которые акторно-сетевая теория и новый материализм ставят перед политической теорией. Эта книга стоит того, чтобы ее читать и перечитывать.

Марк Сэлтер, Университет Оттавы

Редко удается найти столь ясные образчики академической и философской литературы. Предлагаемые Харманом объяснения основательны и лаконичны, а благодаря своему стилю и языку доступны неспециалистам.
Британское общество литературы и науки